

НИКОЛАЙ НИКИФОРОВ

ШТУРМОВЫЕ БРИГАДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

ФРОНТОВОЙ СПЕЦНАЗ СТАЛИНА

Лучшие воины в истории

Николай Никифоров

**Штурмовые бригады
Красной армии. Фронтовой
спецназ Сталина**

«Яуза»

2021

УДК 358.2(091)(47+57)

ББК 68.516

Никифоров Н. И.

Штурмовые бригады Красной армии. Фронтowej спецназ Сталина
/ Н. И. Никифоров — «Яуза», 2021 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-117934-2

ФРОНТОВОЙ СПЕЦНАЗ СТАЛИНА, панцирная пехота Красной Армии, советские кирасиры – у большинства читателей, даже хорошо знакомых с историей Великой Отечественной, эти слова вызовут лишь недоумение. Так кто же они, эти солдаты в стальных кирасах? Имя им – ШТУРМОВЫЕ ИНЖЕНЕРНО-САПЕРНЫЕ БРИГАДЫ. В первых рядах атакующих бойцы ШИСБр подавляли вражеские огневые точки и штурмовали баррикады на улицах городов, наводили мосты под огнем и прогрызали бетон неприятельской обороны. Герой Советского Союза генерал Галицкий, начальник инженерных войск 1-го Украинского фронта, вспоминал о них: «Личный состав бригады – это особые саперы, штурмовики с пуленепробиваемыми жилетами, в стальных касках, все вооружены автоматами. Они предназначены для боя совместно с пехотой и артиллерией. И в самом тесном взаимодействии с ними должны участвовать в прорыве обороны: в уничтожении дотов, дзотов, пулеметных гнезд и НП противника... Личный состав бригады – рослые и сильные саперы-штурмовики, стать которых не портили даже неудобные стальные нагрудники, – выглядел весьма и весьма внушительно... Когда не хватало патронов, шли в дело приклады и финские ножи. В 23 часа 50 минут высота полностью стала нашей. После этого противник четырежды ее атаковал и столько же раз откатывался назад. Саперы-штурмовики высоту не отдали...» Созданная на переломном этапе войны, советская «панцирная пехота» по праву заслужила звание гвардии инженерных войск, «золотого фонда» резерва Главного Командования. Яркими страницами истории ШИСБр стали бои за Кенигсберг, Познань, Вену, Берлин. Книга военного историка Николая Никифорова впервые во всех подробностях рассказывает о вкладе штурмовых бригад в Победу в Великой

Отечественной войне, их тактике и вооружении. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 358.2(091)(47+57)

ББК 68.516

ISBN 978-5-04-117934-2

© Никифоров Н. И., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Обращение начальника инженерных войск Вооруженных Сил Российской Федерации	7
Предисловие	11
Часть I. От инженерного обеспечения штурма к штурмовым инженерно-саперным бригадам	24
Глава 1. Взгляды на инженерное обеспечение штурмовых действий Красной Армии накануне Великой Отечественной войны	24
Глава 2. Инженерно-штурмовые действия частей Красной Армии в 1941–1942 гг.	39
Глава 3. Создание бригад и совершенствование их организации: 1943–1945 гг.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Никифоров
Штурмовые бригады Красной
армии. Фронтвой спецназ Сталина

© Никифоров Н.И., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Обращение начальника инженерных войск Вооруженных Сил Российской Федерации

Уважаемые читатели!

Исторический труд заместителя начальника Института военной истории ВАГШ ВС РФ Н.И. Никифорова «Штурмовые бригады Красной Армии», посвященный штурмовым инженерно-саперным бригадам (ШИСБр), деятельность которых пришлась на 1943–1945 гг., приобретает все большее значение для инженерных войск России.

Генерал-лейтенант Ю.М. Ставицкий

Положения, содержащиеся в труде Н.И. Никифорова, легли в основу решения о возрождении инженерно-штурмовых подразделений в современных инженерных войсках. Первым в составе гвардейской инженерно-саперной бригады центрального подчинения сформирован батальон штурма и разграбления. Новые подразделения оснащены костюмами высокой степени защиты и целым арсеналом боевой оснастки, современным вооружением и защищенной

техники. Разрабатывается штурмовой робототехнический комплекс для поддержки огнем и броней при выдвижении к объекту штурма. Второе рождение саперов-штурмовиков началось в Армии России в 2014 году. И, как в 43-м, когда были сформированы первые пятнадцать бригад, таких подразделений сейчас также насчитывается пятнадцать. Это, безусловно, совпадение, но оно символично.

Штурмовые бригады с момента формирования в годы войны прошли тяжелейшую школу, закалились в боях и умножились численно. Сегодня мы не менее упорно работаем над повышением уровня боевой подготовки новых подразделений и стремимся, чтобы их число неуклонно росло. Наряду с новейшими приемами активно применяется все лучшее, что наработано в тех смертельных боях.

Достигнутая в годы войны высочайшая степень универсализации и децентрализации ШИСБр, ставших способными благодаря этому выполнять чуть ли не весь широчайший спектр задач инженерного обеспечения, воплотилась в том числе и в способность командиров групп, коими нередко становились простые сержанты, принимать серьезные самостоятельные решения, оказывавшие определяющее влияние на исход боя. Саперы-штурмовики своими действиями, будь то в городе или на местности, всегда идя впереди, создавали такой задел, что пехотному командиру очень часто оставалось лишь войти внутрь объекта после оказанного на противника взрывного и огневого воздействия и при зачистке найти его уже морально и физически сломленным.

Современные штурмовики

Секрет успеха заключался в том, что редко повторявшийся богатый набор боевых приемов, в совершенстве освоенных «истребителями бункеров», позволял им оставаться неразгаданными. На голову противника они сваливались неумолимым карающим мечом, молниеносно, с неожиданной стороны.

Книга Н.И. Никифорова на многое раскрыла глаза и помогла не только осмыслить вклад штурмовых инженерно-саперных бригад в Великую Победу, но и прийти к созданию новых, отлично оснащенных в соответствии с требованиями времени, подразделений. В том,

что сегодня на основе исторического наследия предшественников они развиваются, успешно решая самые сложные учебно-боевые задачи, есть и заслуга Николая Ивановича Никифорова.

*Начальник инженерных войск Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-лейтенант Ю.М. Ставицкий*

Предисловие

Штурмовые инженерно-саперные бригады (шисбр) – универсальный продукт Великой Отечественной войны. Их создание было следствием возрастающей роли инженерных войск в ходе войны, а их дальнейшее совершенствование было обусловлено широким размахом наступательных действий советских войск. Именно наступательные операции Красной Армии 1943 года настоятельно потребовали принципиально новой организации мощных инженерных соединений ударно-наступательного типа, способных обеспечить прорыв и штурм укреплений противника¹. Универсальность же бригад была изначально заложена в самом названии – штурмовая инженерно-саперная. Вторая часть предопределяла инженерное обеспечение штурма, а первая – непосредственное участие в нем, предполагая в том числе и плотное соприкосновение с противником.

Вместе с тем оба эти понятия уходят своими корнями в далекое прошлое, базируются на историческом опыте и входят в систему определений военно-инженерного искусства. Как отрасль военного искусства оно охватывает область теоретических исследований и практического решения задач военно-инженерного дела, где у нашего Отечества богатая достойными примерами история и немало приоритетов. Этому посвящено довольно большое количество фундаментальных трудов, научных и научно-популярных изданий².

Современное сравнительно-историческое осмысление роли и места военно-инженерного искусства в истории нашего государства представлено в работах специалистов инженерных войск³. В понятном читателю изложении, но исключительно богатой и глубокой по смысловому содержанию форме показан ценный фактологический материал, принадлежащий широкому историческому полотну. В обобщенном синтезированном виде строгим научно-энциклопедическим стилем изложены глубинные причинно-следственные связи развития военно-инженерного искусства как части отечественного общекультурного наследия.

Вместе с тем было бы целесообразным кратко остановиться на историческом аспекте предмета нашего исследования.

Элементы военно-инженерного искусства зародились в глубокой древности и нашли свое воплощение в умении использовать для стоянок и поселений труднодоступную местность. При оседлом образе жизни получают распространение простейшие укрепления и заграждения, в определенной степени предохранявшие места поселений от нападения врагов. Вокруг селения сооружались различные искусственные закрытия и преграды в виде деревянных оград (чаще всего из заостренных бревен), земляных валов и рвов. С развитием строительства его достижения сразу же широко используются в интересах возведения более прочных укреплений: земляных, деревянных и каменных оград.

В общинах и поселениях появляются специалисты по устройству укреплений. О высоком уровне военно-строительного искусства того времени свидетельствуют памятники старины –

---

¹ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 84. Л. 151.

² Савельев А.И. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1870–1887; Гобоев Г. Опыт краткой хроники родословной русских инженерных войск. СПб., 1907; Бирюков П.И. Краткий очерк развития военно-инженерного искусства и инженерных войск до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1963; Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I–III. СПб., 1858–1865; Теляковский А. Фортификация. Ч. I–II. СПб., 1839–1846; Шперк В. Русская долговременная фортификация, ее превосходство, передовой характер и приоритет. Л., 1946; Иволгин А.И. Минно-подрывные средства, их развитие и применение. М., 1949; Карбышев Д.М. Избранные научные труды. М., 1962; Александров Е.В. Краткий исторический очерк развития инженерных войск русской армии. М., 1939; Балув В.К. Развитие военно-инженерной электротехники. М., 1958; Клокачев П. Крепостная война или атака и оборона крепостей. СПб., 1911; Величко К. Инженерная оборона государства и устройство крепостей. СПб., 1903; 150 лет Военно-инженерной академии. М., 1969.

³ История инженерных войск России. – М., АО «Красная Звезда», 2015. История военного и военно-инженерного искусства. – М., АО «Красная Звезда», 2015. Инженерные войска на защите России. – М., АО «Красная Звезда», 2015.

система укреплений вокруг Вавилона (VI–V вв. до н. э.), Ниневии, Карфагена и ряда других древних городов. Во втором и первом веках до нашей эры была сооружена Великая Китайская стена и подобная ей Дербентская – от Каспийского моря до Большого Кавказского хребта. В этот же период были возведены укрепления вдоль государственных границ в Греции и Ассирии, что также свидетельствует о высоком уровне развития военно-инженерного искусства того времени.

Со временем вопросы строительства укреплений получают свое отражение в литературных трудах Энея (IV в. до н. э.), Полибия (II в. до н. э.), Витрувия (I в. до н. э.) и других авторов, что послужило основой для выделения отрасли военно-инженерных знаний, получивших название «военная архитектура». Под этим термином понималось искусство возведения укреплений и всякого рода построек, имевших военное значение. В XVII веке было введено новое понятие – фортификация.

Но это одна сторона военно-инженерного искусства. Нам же более важна другая. Одновременно с зарождением и развитием искусства строительства укреплений вокруг поселений (городов) и вдоль границ древних государств возникает и развивается искусство атаки (осады) этих укреплений, где особая роль отводится военно-инженерному делу. С его помощью решаются вопросы разработки средств и способов преодоления укреплений и заграждений, создаются конструкции различных осадных приспособлений: многоэтажных осадных башен – гелеполей; крытых подступных ходов – виней; метательных машин – баллист, катапульт; штурмовых лестниц; средств разрушения стен – таранов, воронов и других, а также разрабатываются и осуществляются способы подкопов под укрепления. Вот так во взаимном развитии и воздействии друг на друга (военная архитектура, она же фортификация и военно-инженерное дело) постепенно складывалось «искусство инженера» – искусство атаки и обороны укреплений.

Выход на авансцену большой политики славянского государства был сопряжен с войнами, для которых уже тогда характерными являлись самобытные элементы военно-инженерного искусства. Прежде чем русский фактор стал реальностью, ему пришлось долго бороться за выживание, причем как защищаясь, так и нападая.

При борьбе с внешними врагами приходилось утверждать себя и силой, и благородством, и мудростью. Но, сидя дома, убедительной победы не добьешься, и войны сопровождались большими и дальними походами, многочисленными осадами крепостей, что, в свою очередь, требовало ряда мероприятий по инженерному обеспечению боевых действий. Так, в ходе войн с Византией и при отражении набегов кочевников формировались приемы выполнения инженерных мероприятий, свойственные восточным славянам. С помощью таких мероприятий усиливались защитные свойства местности в период обороны, а при наступлении преодолевались преграды, встречающиеся на пути наступающего войска. Расчистка и прокладывание путей движения, устройство мостов и переправ – вот чему уделялось большое внимание в походах. Для укрепления и охраны лагеря на стоянках устраивался вал со рвом, усиленный тыном или засекой, а при непродолжительных или внезапных остановках оборудовался лагерь из повозок. По заключению академика В.А. Золотарева, наши летописи сохранили мало сведений об инженерных мероприятиях, но даже из небольшого количества хотя и не всегда достаточно ясных упоминаний о таковых следует, что инженерному делу уделялось большое внимание. В частности, в летописях упоминается о наличии в войсках Киевского князя Ярослава Мудрого военных строителей: «городников», первое упоминание о которых относится к 1025 г., и «мостников». Львовская летопись свидетельствует, что при штурме города камских болгар Ошель в 1219 г. русскими «...наперед шли пешцы с огнем и с топоры, а за ними стрельцы». Это свидетельство тем более важно, что показывает на наличие специальных групп в штурмовых отрядах. На группы возлагались задачи разграбления препятствий и разрушения оборонительных сооружений противника, что можно рассматривать как факт зарождения инженер-

ных войск. И если «городники» и «мостники» – первые предшественники русских военных строителей и понтонеров, то «пещцы с огнем и с топоры» – предтеча саперов-штурмовиков. Как в области фортификации, так и в искусстве штурма у Древней Руси, а в дальнейшем и у России был свой самостоятельный путь, где много приоритетов и славных дел.

При осаде или штурме укрепленных пунктов славянами нередко возводился вал (терраса), с которого воины врывались внутрь города или крепости, причем вал был равен по высоте городским (крепостным) стенам. В ходе штурма войска подкатывали к крепостной ограде специальные защитные сооружения (туры), за которыми располагались лучники, а при вылазках врага находили себе защиту и другие воины. При осаде укрепленных городов деревянные ограды разрушались подружкой бревен или поджогом. Применялись и осадные машины – подступные, стенобитные, метательные. Так было, например, при осаде г. Люблина в 1245 г.

Постройкой осадных машин занимались «порочные мастера», предшественники военных инженеров.

Крепости (города-крепости) надолго стали основным элементом защиты как границ, так и самих государств. Поэтому способ постройки крепостей хранился в строгом секрете. Принципиально новых архитектурных решений при строительстве крепостей было немного, но конструктивных новшеств предостаточно. Как правило, они были обусловлены развитием военной техники, появлением нового оружия, изменением характера военных действий. Так, с изобретением в XIV веке огнестрельного оружия в башнях крепостей вместо обычных бойниц стали оборудоваться казематы. В башнях Московского Кремля казематы появились уже в 1485 г.

В Средние века искусство ведения осады крепостей, за редким исключением, прогрессировало слабо в отличие от его высокого уровня развития в древнегреческом и римском государствах. Если в древности осаждающие пытались проламывать стены крепостей при помощи таранов, укрываясь в крытых ходах (винях), или взбираться на стены при помощи передвижных осадных башен (телеполей) и лестниц, то в Средние века от этого искусства остались только лестницы и частично подкопы. Средства атаки в эпоху Средневековья были крайне слабы, а поэтому укрепления нередко спасали армию от разгрома, а население – от порабощения. Осады крепостей и укрепленных городов временами затягивались на годы. Города и крепости чаще всего брались в то время не посредством атаки, а в результате измора, путем длительной блокады, в расчете на то, что голод и болезни заставят их защитников сдаться на милость победителей.

Русское войско составляло как раз то редкое исключение и отличалось более высоким, чем в армиях европейских государств, искусством осады и штурма крепостей. Это проявилось при взятии войском Александра Невского Копорья (1241 г.), Пскова (1242 г.) и при штурме армией Ивана IV Казани (1552 г.), а затем Астрахани (1556 г.).

В отношении инженерного обеспечения поход на Казань и взятие города представляли по тем временам высокий уровень военно-инженерного искусства. Применение специалистов и проведение большого числа походных инженерных мероприятий позволили осуществить трудный марш большого войска благополучно и в короткий срок. При осаде Казани нашла применение искусно разработанная система постепенной атаки с устройством подступов и параллелей. Кроме этого, Иван Грозный при осаде города применил минно-подземную атаку – новый способ борьбы, являющийся важным элементом в развитии русского военного искусства. Под стенами Казани были взорваны три горна по 3,9 тонны пороха в каждом. В результате взрыва стены обрушились, и Казань пала. Случаи осуществления минно-подземной атаки в Западной Европе отмечают еще в начале XVI века, но в значительно меньшем масштабе. Успешное осуществление русскими минерами сложного и большого объема специальных инженерных работ при штурме Казани однозначно указывает на основательные знания минно-подземного дела в русском войске еще до похода на Казань и умение минеров точно определить величину

и направление действия заряда. Причем задолго до того, как это научились делать в Западной Европе – первая попытка дать формулу для расчета зарядов была сделана там в 1628 г.

Начиная с XVI века стали появляться литературные труды по вопросам возведения и атаки укреплений. Этим было положено начало зарождению теории военно-инженерного искусства. Военная архитектура и кострометация (искусство оборудования укрепленных полевых лагерей) постепенно объединяются в фортификацию. Последняя становится важной отраслью военного искусства и охватывает не только вопросы устройства укреплений, но также и другие области применения военно-инженерного искусства (военные дороги, мосты, переправы, заграждения и пр.). Основоположником научной систематизированной фортификации считается военный инженер маршал Франции Себастьян Ле Претр де Вобан (1633–1707 гг.). Хотя в двенадцати томах его сочинений Вобан не написал ни строчки о своем методе фортификации, «системы Вобана» приобрели известность. Это было достигнуто в результате усилий его последователей – французских военных инженеров в XVIII веке. На основе обобщения богатого опыта по строительству, переоборудованию и атаке крепостей, проведенных под руководством Вобана, французские инженеры вывели его теоретические правила. Предлагались и другие системы: Кегорна (Кугорна, 1641–1704 гг.), Кормонтеня (1696–1752 гг.), Монталамбера (1714–1800 гг.).

Большое влияние на развитие русского военно-инженерного искусства оказали литературные произведения голландского военного инженера Кегорна, переведенные по распоряжению Петра I на русский язык и ставшие пособиями в инженерных школах. Вместе с тем следует заметить, что приоритет русского военно-инженерного искусства при всей его очевидности (фортификация, развитие сторожевых линий, искусство штурма – применение специалистов и специальных подразделений, разработка системы постепенной атаки с устройством подступов и параллелей, минно-подземное дело – на более чем 100 лет до Вобана, контрминная система, введение табельных переправочных средств и пр.) остался в тени. С одной стороны, это обусловлено отсутствием обобщающих трудов отечественных авторов по военно-инженерному искусству, а с другой – уже постепенно складывающимся стереотипом безусловного преимущества Запада. И даже позже, в капитальных трудах по военно-инженерному искусству, Западная Европа ставилась в абсолютном большинстве как пример для подражания и копирования⁴.

Безусловно, повышение роли и значения военно-инженерного искусства в боевых действиях армий европейских стран потребовало объединения различных специалистов (строителей укреплений, мастеров по прокладке дорог и устройству переправ, знатоков подрывного дела и др.) в специальные формирования, что можно отнести к зарождению инженерных войск.

Первые части инженерных войск в Европе появились во французской армии и были созданы по инициативе С. Вобана в 1673–1681 гг. Вслед за этим инженерные части вводятся в состав армий Австрии и Пруссии (в 1701–1704 гг.), а также в других странах. С момента зарождения и примерно до 80-х годов XVIII века инженерные войска во всех армиях были представлены двумя специальностями – саперами (пионерами) и понтонерами.

Но сегодня мы знаем и другое, что строительство регулярной русской армии велось Петром I в главном на самобытных национальных основах. Эти начала в основном господствовали в русском военном искусстве на протяжении всего XVIII и в начале XIX веков. И в области военно-инженерного искусства у России в этот период было немало достижений.

8 февраля 1712 г. Петр I объявил штат полевого артиллерийского полка, в который были введены минерная рота и две команды инженеров и понтонеров. Фактически создание минерной роты в русской армии относится к 1702 г., а команды понтонеров – к 1704 г. Сам Петр I был выдающимся военным инженером. Он внимательно изучил произведения по военно-инженер-

⁴ См.: Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I–III, СПб., 1858–1865; Советская Военная энциклопедия. М., 1976. – Т. 2. С. 221–223.

ному делу, был лично знаком с Кегорном, учился у него, а затем умело руководил постройкой ряда приморских и сухопутных крепостей (Кронштадт, Петрокрепость – Шлиссельбург и др.).

Именно в области фортификации Петр I выдвинул ряд очень важных передовых идей, ему принадлежит приоритет создания фортовой крепости, нашедшей свое выражение в проекте Кронштадтской крепости (1708 г.). Только спустя 70 лет идея фортовой крепости была осуществлена на Западе и до начала XX века она была основной формой долговременной фортификации.

Петр I придавал большое значение военно-инженерному искусству, требовал знания его основ всеми офицерами русской армии и сам хорошо знал и применял это искусство в сражениях. По его указанию в России была организована подготовка военных инженеров и учреждены в Москве (1701 г.) и в Петербурге (1719 г.) инженерные школы (см. Приложение 1). В инженерных школах обучали арифметике, геометрии, минерному делу, фортификации (в частности, изучались фортификационные системы Вобана, Кегорна и предложенные ими способы инженерной атаки крепостей) и другим наукам. Выпускники получали звание кондукторов, т. е. унтер-офицеров с технической подготовкой, а затем на практической работе производились в инженер-прапорщики (в военные инженеры).

Обучение «инженерству» производилось в петровские времена не только в инженерных школах, но и в войсках во время зимних стоянок по квартирам, где выделенные для этого инженерные офицеры обучали солдат инженерному делу. А воинский устав 1716 г. так определял действия инженерных частей: «Для минер есть при строении городов и осадах чинить подкопы, вести сапы и во время нужды с прочими подкопщиками путь и мост армейскому ходу починивать» и «инженеры зело потребны суть при атаке или обороне какого места». Примечательно, что одним из первых русских военных инженеров был Абрам Ганнибал – прадед А.С. Пушкина (арап Петра Великого), написавший в 1725 г. книгу о военно-инженерном искусстве.

Государственный подход к «инженерству» оказал большое влияние на развитие военно-инженерного искусства. Совершенствовалось искусство осады крепостей. От постепенной атаки русская армия перешла к ускоренной – атаке открытой силой, что в большей степени соответствовало ее активной тактике. Именно таким образом войска Петра I взяли десять крепостей в Прибалтике⁵.

Широкое применение в русской армии нашли полевые укрепления. Прежде всего, они устраивались для прикрытия московского направления от вторжения шведов, в частности, между Смоленском и Брянском в 1706 г., а также с целью обеспечения действий своих войск в полевых сражениях, к примеру, в 1709 г. во время Полтавского сражения. Здесь русская армия впервые применила систему отдельных редутов, что позволило ослабить удар шведской армии, расчленив ее и перейти в решительное наступление. Это сражение, по существу, является первым крупным примером использования полевой фортификации для обеспечения наступления.

Наряду с ведением войн Петром I много внимания уделялось фортификационной подготовке территории Русского государства. Государь стремился обеспечить свои вооруженные силы системой сухопутных и приморских крепостей, предназначенных служить опорными пунктами для армии и флота. Из многочисленных укрепленных пунктов он выбрал 34 наиболее важных и уделил самое пристальное внимание их развитию. В этих крепостях и в мирное время полагалось иметь вооружение и содержать гарнизоны.

При строительстве крепостей применялась бастионная система: внедрялся тенальный фронт укреплений, что позволяло при изломе линии внешнего фронта крепости внутрь вести взаимный обстрел подступов к каждому фасу без помощи капониров. В целом же русские укрепления отличались от западноевропейских простотой форм и отсутствием чрезмерного

⁵ Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. – М., 1985. – С. 10.

нагромождения сооружений на местности, что подчеркивало глубокое понимание военными инженерами взаимосвязи фортификации со стратегией и тактикой.

Несмотря на большой ущерб, нанесенный русскому военно-инженерному искусству после смерти Петра I, развитие национальных традиций в этом вопросе продолжалось. Это наглядно и талантливо продемонстрировали выдающиеся русские полководцы П.А. Румянцев, А.В. Суворов и М.И. Кутузов. К примеру, Румянцев и Суворов широко применяли достижения русского военно-инженерного искусства в Семилетней войне (1756–1763 гг.) и в русско-турецких войнах (1769–1774 гг., 1787–1791 гг.). Наиболее примечательными являются инженерные мероприятия, осуществленные при осаде и штурме крепостей Кольберг (1761 г.) и Измаил (1790 г.), при переправе через широкие водные преграды (Неман у Тильзита в 1758 г., Висла у Кульма в 1759 г., Днепр у Мишурена Рога, переправа через Сиваш в 1771 г. и др.), при возведении полевых укреплений позиции у Пас-Круга в 1758 г. и др.

Приемы штурма и действия саперов находят отражение в боевых документах. Например, А.В. Суворов 23 октября 1794 г. в приказе по войскам о штурме Праги (предместье Варшавы) указывал: «1) Взять штурмом пражский ретраншемент. И для того:

2) ...Охотники со своими начальниками станут впереди команды; с ними рабочие. Они понесут плетни для закрытия волчьих ям пред вражескими укреплениями, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы лезть из рва чрез вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге колонны...

5) Подошли ко рву – ни секунды не медля бросай в него фашинник, опускайся в него и ставь к валу лестницы, охотники, лезь, стреляй врага по головам. Шибко, скоро, пара за парой лезь! Коротка лестница? Штык в вал – лезь по нем, другой, третий...»

Следует констатировать, что во второй половине XVIII века в связи с зарождением в русской и других армиях новых способов ведения военных действий произошли существенные изменения и в самом характере военно-инженерного искусства. Широкое и массовое применение активных наступательных форм боя и сражения, осуществление на практике идеи разгрома живой силы противника в генеральном сражении выдвинули на первое место полевую фортификацию, переправочное, дорожно-мостовое дело и заграждения. Но одновременно получило дальнейшее развитие искусство инженерной подготовки атаки и обеспечения штурма крепостей.

Конец XVIII – начало XIX веков характерны появлением массовых армий, а вместе с этим и новых способов ведения боевых действий. Линейную тактику сменила тактика колонн и рассыпного строя. Объектом стратегических действий в большей степени становится не территория, не города и крепости противника, а его армия. Новые положения по вопросам ведения военных действий, разработанные и воплощенные в практику Румянцевым и Суворовым, были восприняты и стали господствующими в европейских странах. Они оказали определяющее влияние на развитие военно-инженерного искусства того периода, определили роль и место инженерных войск в системе вооруженной борьбы.

В частности, следует отметить способы использования саперов А.В. Суворовым. Боевые действия русских войск под командованием Суворова в ряде походов и кампаний показывают на большие новшества полководца в тактике инженерных войск, стремлении использовать саперов для выполнения наиболее важных и сложных задач инженерного обеспечения, поручая при этом исполнение второстепенных частям и подразделениям родов войск. Но, что еще более важно, Суворов стремился к тому, чтобы саперное дело знали и другие рода войск, а сами саперы использовались централизованно. Это был настолько новый взгляд, что по сей день отвечает современным требованиям, как организационному построению инженерно-саперных частей, так и боевому применению инженерных войск.

Есть еще одна новация А.В. Суворова, с успехом применявшаяся во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и сохранившая свое значение по сей

день. Речь идет о подготовке войск к штурмовым действиям на учебных штурмовых городках. Применение этого метода предопределило успех штурма Измаила в 1790 г.

Подготовка к штурму и взятие Измаила, по существу, заложили основу для действий штурмовых групп и отрядов, нашедших широкое и эффективное применение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тем самым дальнейшее развитие общей тактики объективно связано с необходимостью инженерного обеспечения боевых действий как в обороне, так и в наступлении.

Русские полководцы стремились решать исход не путем длительного маневрирования, а непосредственным сосредоточенным ударом по главным силам противника. Такая стратегия требовала применения военно-инженерного искусства в интересах обеспечения наилучшего успеха военных действий, что прежде всего предполагало организацию быстрого передвижения армии, ускоренную инженерную подготовку штурма крепостей и укрепленных позиций противника.

Этот период характеризуется быстрым развитием военно-инженерного искусства, стремлением обеспечить в инженерном отношении сочетание активных действий массовых армий в поле и оборонительных мероприятий по удержанию при помощи крепостей и укрепленных городов определенных важных в стратегическом отношении районов. Однако со временем крепости стали утрачивать свое предназначение. В большинстве случаев против крепостей выставлялись заслоны, а армия устремлялась дальше навстречу противнику и решала дело в генеральном сражении. Вследствие этого крепости превращались в обузу для государства, ведущего войну, поскольку отвлекали значительные силы в состав своих гарнизонов, обрекая эти силы на пассивность.

Однако в системе защиты государства, особенно с большой территорией, крепости еще долго занимали значительное место, постепенно уступая главную роль полевым укреплениям. Последние были широко использованы русскими войсками против наполеоновской армии, в том числе в Бородинском сражении. М.И. Кутузов объединил все инженерные войска и ввел принцип усиления инженерными частями общевойсковых соединений на период их участия в боевых действиях. В частности, Кутузов указывал пионерам «для облегчения связи в действиях войск в бою строить мосты там, где нужны переходы», а командирам корпусов «озаботиться свободным сообщением на позиции». В свою очередь, Багратион обучал свою минерную роту методам инженерного обеспечения атаки. При помощи инженерных войск на полях предстоящего сражения при Бородине в короткие сроки были созданы отдельные пехотные и артиллерийские укрепления – Багратионовские флеши, укрепленная батарея Раевского, Шевардинский редут и другие, наиболее отвечающие новым способам ведения боя и сражения.

В этот период большое значение в военном деле стали приобретать наземные коммуникации, в связи с чем внимание теоретиков и практиков военно-инженерного искусства направляется на разработку способов ускоренной постройки шоссейных дорог, дальнейшее совершенствование мостового и переправочного дела. Вместе с этим развиваются способы разрушения при помощи взрывов мостов и важных военных объектов.

В целом участие инженерных частей в войнах начала XIX века выразилось преимущественно в осаде и штурме крепостей, причем саперные подразделения непосредственно сопровождали штурмующие колонны с задачей устранять препятствия на пути их движения. При этом следует отметить, что количество инженерных войск, придаваемых штурмующим колоннам, было сравнительно невелико. Так, при осаде в 1828 г. крепости Браилов в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в состав осадного корпуса из 17 тысяч человек входило три батальона инженерных войск: один саперный и два пионерных. Инженерные части при осаде этой крепости в течение дня осуществляли подготовительные работы: заготавливали материал для осадных работ, строили батареи, закладывали параллель, вели подступы сапами, устраивали минные галереи. В ночь на 3 июня в головах минных галерей были заложены горны из

1078 пудов пороха, после взрыва которых начался штурм крепости. Каждая из двух штурмовых колонн состояла из двух пехотных полков, двух орудий и пионерной роты. Личный состав роты имел при себе фашины и инструмент для расширения брешей с целью пропустить орудия. Остальные инженерные подразделения были организованы в рабочие отряды с задачей производить работы в соответствии с обстановкой. 5 июня крепость сдалась. Потери саперов во время штурма составили 77 человек убитыми и ранеными.

И еще один пример. Для штурма крепости Ахалцих 15 августа 1828 г. были назначены 200 охотников, 2 батальона Ширванского пехотного полка и 1 пионерный батальон. Пионеры имели задачу забросать рвы, сделать проход в палисаде для пропуска орудий и, по взятии церкви, установить на ее крыше батарею. Когда пехота ворвалась в крепость, одна из пионерных рот перетащила два орудия, а остальные три роты приступили к устройству ложементов. После продвижения пехоты вперед пионерам удалось установить на кровле церкви горный единорог, а на крышах домов – мортиры. Для усиления атакующих был выдвинут из резерва еще батальон пехоты с двумя орудиями. Противник встретил батальон сильным жесточайшим огнем. Помогла команда пионеров: они срубили палисад и из его бревен устроили мост для прохода орудий. Пионерная команда потеряла половину своего личного состава, остальные успели установить туры, за которыми заняли позицию орудия. Ночью был зажжен город, а с рассветом 16 августа крепость сдалась. При штурме крепости пионерный батальон потерял больше трети личного состава.

Таким образом, войны конца XVIII и начала XIX в. затронули важнейшие составные части военно-инженерного искусства и внесли существенный вклад в их развитие. Появилась необходимость теоретического обобщения приобретенного опыта. В России создается ряд высших военно-учебных заведений, и в их числе военно-инженерная академия (с 1816 г. – главное училище инженеров, с декабря 1819 г. – главное инженерное училище, с 1855 г. – инженерная академия).

Однако теоретических трудов по военно-инженерному искусству в то время было крайне мало. Причем в большинстве своем эти труды посвящались фортификации и предлагали почти без изменений рекомендации и чертежи, которые были известны в конце XVIII века. Во взглядах на применение военно-инженерного искусства в основном господствовал геометризм, шаблон, оторванность от требований войск. В частности, деление фортификации на долговременную и полевую делалось по чисто техническим признакам, главным образом по применяемому материалу для возведения сооружений.

Против этих положений, делавших военно-инженерное искусство застывшим произведением геометрических построений и архитектурного крепостного классицизма, выступил видный русский военный инженер А.З. Теляковский. В написанном им и переведенном на многие европейские языки труде «Фортификация» обосновывается деление фортификации по назначению и характеру: использование укреплений в войне – полевая фортификация, по мнению А.З. Теляковского, имела тактическое значение, а долговременное инженерное оборудование ТВД – стратегическое. «Дело фортификации, – писал он, – приспособить местность посредством укреплений к выгоднейшему действию войск; место расположения укреплений указывается тактикой».

Российская академия наук в своем постановлении о присуждении А.З. Теляковскому Демидовской премии отмечала, что в его трудах «раскрыта связь фортификации с тактикой и стратегией». С появлением его трудов заметно расширилась теоретическая область военно-инженерного искусства. Его идеи нашли практическое решение и дальнейшее развитие в Крымской войне 1853–1856 гг. при обороне Севастополя. Последователями идей Теляковского были видные русские военные инженеры К.А. Шильдер и Э.И. Тотлебен.

В ходе обороны Севастополя в 1854–1855 гг. зародилась новая система укреплений – полевые позиции как противодействие атаке рассыпным строем. Вместо узкой линии бастио-

нов и связывающих их крепостных стен впервые была применена укрепленная полоса глубиной 1000–1500 м, состоявшая из нескольких линий траншей, создавались защищенные позиции для артиллерии, устраивались блиндажи для укрытия личного состава, широко велась подземно-минная борьба, впервые был использован электрический способ взрыва, появились взрывные фугасы и морские мины. Стрелковые окопы и траншеи, зародившиеся в Севастопольской обороне как новая форма полевых укреплений, широко применялись североамериканцами в гражданской войне.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. подтвердила правильность опыта Севастопольской обороны; возведение полевых укрепленных позиций в этой войне стало входить в систему. Причем оказалось, что стрелковые окопы и траншеи необходимо применять не только в обороне, но и в ходе наступления. Впервые в практике войск нашло применение самоокапывание. Это первыми сделали русские саперы, их примеру последовала пехота.

Наиболее полно события этой войны исследованы в книге академика В.А. Золотарева «Противоборство империй»⁶. Ценность монографии прежде всего заключается в доказательном показе генезиса Восточного кризиса, нашедшего свое логическое продолжение в войне как его апофеозе. Война как сложнейшее историческое явление представлена законченным полотном, в полной мере и органично насыщенном многоцветьем событий. На всесторонне раскрытом сложном политическом фоне мы видим причудливые очертания Балканского узла и Кавказа, причем с мельчайшим и подробным, просто филигранным, отображением деталей происходящего. Полные драматизма, проплывают перед нами Шипка, Плевна, Карс, Баязет. Военное искусство русской армии наполнено конкретными действиями исторических персонажей, величием и непобедимостью русского духа и оружия.

От сложного и большого к простому и конкретному – ярко и убедительно автор показывает происхождение и события войны, ее результаты и историческое место, воспроизводит все сложности борьбы в исторической ретроспективе, определяет комплекс социально-политических и идеологических мотивов особого интереса России. Серьезное научное отношение автора к эпистолярному наследию войны, ее отображению в народном и профессиональном поэтическом творчестве придает работе особый колорит, наполняя ее живой теплотой человеческого дыхания, сложностью и неоднозначностью бытия ее героев. Труд В.А. Золотарева в то же время отличает строгий научный подход к исследованию проблем войны 1877–1878 годов. Уникальные документальные приложения, обширная библиография и красочные иллюстрации XIX века ставят работу в разряд эксклюзивных.

Неудавшийся штурм Плевны, бои на Шипке, взятие Карса окончательно доказали правильность сочетания элементов крепостных форм обороны с полевыми укреплениями. Но выявили и другое – эффективных способов борьбы против такого сочетания пока еще не имелось. Лобовой штурм в таких случаях приводил, как правило, к большим потерям и искомого результата не давал. Так, при штурме Плевны, безусловно, важном пункте, но не главной стратегической цели войны, к исходу третьего дня штурма погибло 43 тыс. русских и 3 тыс. румын при потерях противника в 3 тыс. человек⁷.

Вместе с тем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. взгляды на использование саперов расходились с их количеством в армии. Вследствие их относительно небольшой численности использование саперных частей при наступлении было незначительным и часто не по специальности. Например, отряд силою в 25 батальонов, назначенный для штурма позиций у Ловчи 22 августа 1877 г., имел в своем составе всего два саперных взвода. Конечно, такое количество саперов вряд ли в полной мере могло обеспечить действия и положение атакующей пехоты.

⁶ Золотарев В. А. Противоборство империй. (Война 1877–1877 – апофеоз восточного кризиса). М., 1991.

⁷ Золотарев В. А. Указ. соч. С. 74.

В лучшем случае их деятельность сводилась к руководству работами по устройству батарей и ложементов на захваченных рубежах.

Становилось ясным, что поиск новых форм борьбы против подготовленной обороны в полной мере зависит от развития оружия, вооружения, особенно артиллерии, появления новой техники.

Начало XX в. было характерно бурным развитием инженерно-технических средств борьбы. Русско-японская война 1904–1905 гг. дала много примеров для организации обороны. Обобщение ее опыта, в особенности обороны Порт-Артура, явилось значительным вкладом в развитие военно-инженерного искусства. В ходе войны окончательно утвердилась и приобрела безусловное право на существование полевая фортификация и ее важнейшая современная форма – сплошные траншеи большой протяженности. Вначале полевые укрепления имели небольшую глубину, затем в ходе войны их стали строить в две-три линии на глубину 2–4 км. Впервые было предпринято заблаговременное возведение тыловых оборонительных позиций. Появляются убежища, выявляется непригодность редутов и других насыпных сооружений. Создается сплошная укрепленная позиция – в нее был превращен фортовой пояс крепости Порт-Артур, где полевые и долговременные укрепления взаимно дополняли друг друга. Штурм крепостных укреплений стоил японской армии 100 тыс. человек убитыми и ранеными, что в четыре раза превышало численность гарнизона крепости.

В ходе этой войны родилась новая отрасль военно-инженерного искусства – маскировка, хотя ее отдельные элементы нашли применение еще под Севастополем. Широкое использование нашли минно-взрывные, электризуемые и другие заграждения. Впервые в большом количестве как средство заграждения применялась колючая проволока.

Тактика инженерных войск получила свое развитие не только при возведении оборонительных позиций, устройстве заграждений и при проведении маскировочных мероприятий, но и созданием впервые в русской армии при наступлении групп инженерной разведки и разграждения. Так, главнокомандующий русскими войсками указывал: «При каждой части войск, назначенной для атаки укрепленного пункта, должны быть саперы и охотничьи команды с материалом для разрушения препятствий».

Таким образом, саперы при атаке являлись не только руководителями работ по устройству полевых укреплений, создаваемых в основном самими войсками, снабженными достаточным количеством шанцевого инструмента, но и следовали в голове штурмующих колонн. При этом они производили специальную разведку и прокладывали путь пехоте через искусственные препятствия противника и через труднодоступные для движения участки местности. Это было зарождением комплексного инженерного обеспечения боя.

Русско-японская война показала, что даже существенного увеличения инженерных частей перед войной было недостаточно. Для решения новых инженерных задач их требовалось значительно больше. Поэтому принимались меры по созданию дополнительных контингентов инженерных войск. Перед Первой мировой войной их количество было доведено в русской армии до 39 саперных и 9 понтонных батальонов, 25 парков, 38 авиационных отрядов, 7 воздухоплавательных и 7 искровых рот, имелись также несколько запасных частей, что в общем превышало количество инженерных частей в германской армии.

Примечательным является тот факт, что ряд новых технических средств борьбы впервые осваивался инженерными войсками, а затем, по мере развития этих средств и разработки способов их применения, уже создавались специализированные подразделения и части, предназначенные для их использования. Первоначально эти подразделения находились в составе инженерных войск, а затем становились самостоятельными войсками.

Первыми из инженерных войск русской армии выделились в 1904 г. железнодорожные войска, затем постепенно стали выделяться в самостоятельные войска – авиация (1910–1918 гг.), автомобильные и бронетанковые (1914–1918 гг.), прожекторные (1904–1916 гг.),

химические (1914–1918 гг.), а также части связи. Следовательно, первоначальная разработка способов использования подразделений этих войск осуществлялась в рамках военно-инженерного искусства. Таким образом, военно-инженерное искусство и инженерные войска как его проводники оказались родоначальниками нескольких новых родов войск и специальных войск, сделав первые шаги в развитии искусства их боевого применения.

Выделение из состава инженерных войск ряда специальностей в самостоятельные отрасли военного дела не снизило роли и значения военно-инженерного искусства, но придало ему определенную направленность, повысило специализацию инженерных войск, а также открывало путь для сосредоточения усилий в области теоретической разработки и практического решения вопросов инженерного обеспечения боя и операции. Целесообразность развития военно-инженерного искусства в этом направлении подтвердилась дальнейшим ходом военной истории.

Первая мировая война показала, что ни одна из европейских стран не подготовила должным образом свою территорию к ведению военных действий, что в полной мере относилось и к России.

Инженерные мероприятия при обеспечении наступательных действий в 1914 г. в основном заключались в прокладке и ремонте путей, преодолении разрушений, устройстве переправ, ведении инженерной разведки, организации и обеспечении связи. Гораздо реже привлекались инженерные части к подготовке штурма крепостей.

В ходе Первой мировой войны в русской армии была разработана и внедрена в практику система полевых укрепленных позиций из сплошных траншей, связанных ходами сообщения и прикрытых проволочными заграждениями. Немцы создавали в оборонительных полосах ротные опорные пункты.

При оборудовании позиций широко применялись блиндажи, убежища, различные укрытия, вошел в употребление железобетон, начали использовать броню и волнистую сталь. Впервые нашли применение закрытые огневые сооружения для пулеметов и передвижные бронезакрытия для пушек.

Большое развитие получили заграждения, в особенности проволочные. Их устраивали в виде спиралей, ежей, рогаток и т. п. Однако подобные заграждения не могли удовлетворить возросшие требования к укреплению позиций. Они довольно легко разрушались. Война настоятельно потребовала также дальнейшего совершенствования взрывных заграждений.

Таким образом, стали вырисовываться контуры новых, более гибких форм организации обороны. Вместе с тем следует заметить, что неудачи первых месяцев войны заставили воюющие страны предпринять заблаговременную подготовку тыловых позиций. Но, к сожалению, главенствующей роли в обороне они не сыграли. Выдающийся военный инженер Д.М. Карбышев в своей работе по истории фортификации оценивал их значение следующим образом: «После первого же удара, под влиянием растерянности, мы из одной крайности впадали в другую, повторяем ошибку Русско-японской войны и загромождаем свой тыл на сотни верст в глубину бесконечным количеством тыловых позиций, отдавая им все свои силы и средства, оторванные от боевых позиций, на коих и зиждилась вся сила обороны». И далее он продолжает: «В тылу, и притом глубоком, была создана в буквальном смысле фортификационная лапша из бесчисленного количества полос и полосок, построенных без всякой системы, фронтом на запад, и поглотивших колоссальное количество всех средств, отнятых у фронта... при отходе использовать их не пришлось»⁸. Затем Д.М. Карбышев приводит убедительные примеры полнейшей бесполезности ряда заблаговременных подготовленных позиций и указывает, что войскам в ходе боевых действий приходилось на местности, изрезанной этими позици-

---

⁸ Карбышев Д. М. Избранные научные труды. – М., 1962. С. 281.

ями, поспешно возводить своими силами новые укрепленные полосы в условиях уже непосредственного соприкосновения с противником.

В определенной степени подобная картина наблюдалась и в ходе Великой Отечественной войны. Заблаговременно построенные Вяземская и Можайская линии обороны, а также укрепленные рубежи на ближайших подступах к Москве и Сталинграду не были надлежащим образом использованы обороняющимися войсками и не стали костяком оперативной обороны.

По существу, новая организация обороны, появившаяся в позиционный период Первой мировой войны, ее гибкий характер потребовали изменений в подготовке и проведении наступательных операций. Так, для прорыва неприятельских позиций потребовалось проводить тщательную инженерную подготовку исходных плацдармов. При этом учитывалось, что основной ударной силой при прорыве будет пехотная дивизия. Перед прорывом она обычно строилась в несколько линий цепей. Для каждой цепи готовилась отдельная траншея. Между траншеями устраивались глубокие и широкие (магистральные) ходы сообщения. На пассивных участках фронта создавались прочные опорные пункты, а на активных траншеи выносились вперед, как можно ближе к противнику. То есть при помощи инженерных средств в исходных районах создавались благоприятные условия для скрытого развертывания войск и свободы их маневра, обеспечения одновременности атаки переднего края обороны противника, а также дальнейшего продвижения наступающих войск в глубину обороны противника.

Один из таких плацдармов, или исходных районов для наступления, был создан войсками Юго-Западного фронта под руководством начальника инженеров фронта генерал-лейтенанта К.И. Величко перед прорывом обороны противника под Луцком, получившим название Брусиловского прорыва. Всего на плацдарме было отрыто 10 линий траншей. На отдельных участках траншеи приблизились к австрийским позициям на 150–300 м. Для маскировки траншеи отрывались не только на участке прорыва, но и в других местах, что ввело в заблуждение противника относительно направления наступления русских войск и, безусловно, способствовало успеху прорыва.

Так, к примеру, частями 24-го армейского корпуса 7-й русской армии за месяц подготовки плацдарма было отрыто 70 км траншей и ходов сообщения, установлены перед ними проволочные заграждения, сооружены блиндажи, наблюдательные пункты и убежища. В то же время саперами корпуса были отремонтированы и проложены вновь дороги, построены мосты и выполнены другие инженерные мероприятия.

Вместе с этим частями корпуса готовились средства и приспособления для обеспечения преодоления препятствий и заграждений во время атаки: штурмовые мостики, удлиненные заряды взрывчатых веществ для разрушения проволочных заграждений и прочее. Например, в полосе наступления 24-й пехотной дивизии шириной в 1,5 км были подготовлены для форсирования реки Стоход 107 штурмовых мостиков.

В целом это была трудоемкая, но неизбежная и необходимая в тех условиях форма инженерной подготовки атаки, способствовавшая успеху как Брусиловского, так и других прорывов.

С другой стороны, определенное изменение тактического рисунка боя при прорыве оборонительной полосы противника связано с тем, что во второй половине Первой мировой войны русские войска встретились с железобетонными сооружениями и мощными заграждениями. Это привело к новым формам штурмовых действий. Так, по примеру действий 32-го армейского корпуса 8-й армии в Брусиловском прорыве в 1916 г. боевой порядок включал штурмовые части – команды саперов и охотников. В боевом порядке команды или штурмовые группы располагались впереди главной роты в две волны. Прежде всего они проделывали проходы в проволочных противопехотных и электризованных проволочных заграждениях. Если проходы были произведены артиллерией, то команды расширяли их, увеличивая тем самым пропускную возможность. Причем необходимо было обеспечить одновременность атаки переднего края обороны противника и дальнейшее продвижение наступающих войск в глубину обороны.

Это достигалось путем устройства проходов в заграждениях удлиненными зарядами, передвигаемых вперед на тележках или салазках. В глубине обороны противника устройство проходов в заграждениях осуществлялось пехотой и подразделениями саперов с помощью ножиц, «кошек» и гранат. Кроме этого саперы и охотники осуществляли блокирование блиндажей, деревянных и бетонированных убежищ в передовых траншеях обороны противника.

В свою очередь, немцы при наступлении в 1916 г. на Верден создали штурмовые группы в составе одного – трех отделений пехоты, усиленных саперами, огнеметами, пулеметами и легкими минометами. Их задача состояла в уничтожении оборонительных сооружений, что способствовало продвижению наступающих боевых порядков.

В сражении при Камбре в 1917 г. англичане для борьбы с оборонительными сооружениями типа блокгаузов применяли блокирующие группы, в состав которых включались танки.

Таким образом, в ходе Первой мировой войны не только повысились роль и значение инженерных войск, но зародилась и получила практическое применение новая отрасль военно-инженерного искусства – инженерное обеспечение наступательного боя и операции.

Гражданская война, по сути, подтвердила правильность и необходимость инженерного обеспечения не только боя и операции в целом, но в том числе и штурмовых действий войск. Начался период военно-инженерного искусства советского времени. Его наиболее крупными проблемами прежде всего явились создание новых форм заблаговременной фортификационной подготовки территории страны – системы укрепленных районов, а также инженерное обеспечение высокоманевренных боевых действий войск, в первую очередь по обеспечению наступательных операций, проводимых при возросшем количестве заграждений и препятствий у вероятного противника. Особое значение придавалось решению задач инженерной подготовки оперативных плацдармов на крупных реках и обеспечению их успешного форсирования с ходу в условиях недостаточного технического оснащения инженерных войск переправочными средствами.

Межвоенный период характерен прежде всего тем, что к концу 30-х годов укрепленные районы уже безоговорочно были приняты в качестве основной формы инженерной подготовки приграничных районов СССР к войне. Вместе с тем остро вставал вопрос организации преодоления подготовленной обороны противника на его территории. Следовательно, поиск и создание оптимальных форм организации обороны и способы ее преодоления находились и находятся по сей день во взаимном развитии, взаимодействии и во многом зависят от технического состояния и возможностей государства в военной области. И если практическая организация обороны осуществляется чаще всего в мирное время при больших затратах государства и на прочность проверяется войной, то преодолению обороны вероятного противника в годы мира уделяется недостаточное внимание, применяются, как правило, способы прошлой войны на быстро устаревающих полигонах.

Согласно политическим и стратегическим установкам в конце 30-х годов, Красная Армия не собиралась воевать на своей территории. Однако возможности советских войск, как показал многотрудный опыт советско-финляндской и первого периода Великой Отечественной войн, по штурму и преодолению сильно укрепленных позиций реального противника оказались невелики.

Поэтому создание и широкое применение штурмовых инженерно-саперных бригад во втором и третьем периодах войны во многом способствовали решению этой важнейшей проблемы в наступательных операциях, что позволило бригадам по праву называться гвардией инженерных войск, золотым фондом резерва Главного командования⁹.

---

⁹ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12120. Д. 21. Л. 15.

Часть I. От инженерного обеспечения штурма к штурмовым инженерно-саперным бригадам

Глава 1. Взгляды на инженерное обеспечение штурмовых действий Красной Армии накануне Великой Отечественной войны

Основы тактики штурма долговременных сооружений, сильно укрепленных пунктов и полос обороны были разработаны довоенными уставами и инструкциями, вобравшими в себя опыт Первой мировой и Гражданской войн (см. Приложение 2).

Теоретические изыскания в области полевой фортификации, опыт производства военно-инженерных работ с учетом использования новой техники и вооружения нашли свое отражение в Наставлении по военно-инженерному делу для пехоты (Инж-П-39) и Наставлении для инженерных войск по полевым фортификационным сооружениям (ПФ-39).

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. обнаружила серьезные недостатки в подготовке и боевом обеспечении войск, особенно инженерном.

Основные и решающие события происходили в полосе сосредоточения главных сил сторон – на Карельском перешейке¹⁰.

Перешеек представлял собой резко пересеченную местность. Скалы, холмы, болота, озера, леса покрывают почти весь перешеек. Эти природные условия значительно затрудняли движение и маневренность крупных войсковых соединений и создавали препятствия для наступления на широком фронте.

Именно здесь, в 32 км от Ленинграда, финны создали систему укреплений, отвечающую тактико-техническим и оперативным требованиям долговременной обороны того периода. Она включала в себя зону заграждений, 3 полосы – главная, вторая (оперативная) и тыловая, промежуточные и отсечные позиции. В отечественной научной литературе эта система укреплений глубиной до 90 км получила название «линия Маннергейма»¹¹.

На совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г. линией Маннергейма была названа лишь основная оборонительная полоса глубиной 6 км¹².

Главная (основная) полоса была тесно связана с системой заграждений линии, плотность которых на 1 км фронта составляла: проволочных заграждений – 1,5 км; лесных завалов – 1,5 км; минных полей – 2,7 км; эскарпов и надолбов – 1,3 км. Насыщение огнем – 6–7 пуль в минуту на погонный метр фронта¹³.

Основная полоса состояла из 22 узлов сопротивления и проходила по рубежу: от берега Ладожского озера по реке Тайпален-йоки, водной системе Вуокси, далее по междуозерному дефилю на Муола, станцию Лейпясуо, высоту 65,5, Сумма, Кархула, Няюкки, Мурила, Койви-сто.

---

¹⁰ «Зимняя война»: к 80-летию начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг. – М., 2019.

¹¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – М., 1963. – Т. 1. С. 259–261; Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 5. С. 123; РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1391. Л. 95–100; Карбышев Д. М. Избранные научные труды. – М., 1962. С. 423–428; Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. – М., 1985. – С. 156–157.

¹² РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2744. Л. II.

¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2744. Л. II.

Основу обороны составляли опорные пункты с тщательно продуманной системой флангового, косоприцельного и фронтального огня; развитая сеть противопехотных и противотанковых заграждений по переднему краю и в глубине с огневым обеспечением подступов.

Узлы сопротивления и промежуточные опорные пункты финской армии, как правило, занимали тактически выгодные рубежи, междуозерные и междуболотные дефиле. Узел сопротивления оборонялся одним-двумя стрелковыми батальонами, усиленными артиллерией. По фронту узел занимал 3–4,5 километра и в глубину – 1,5–2 километра. Он состоял из 4–6 опорных пунктов.

Каждый опорный пункт имел по 3–5 долговременных огневых точек, преимущественно пулеметно-артиллерийских, составлявших основу обороны.

Каждое долговременное сооружение было окружено траншеями, которые заполняли также промежутки между узлами сопротивления. Окопы в большинстве случаев состояли из хода сообщения с вынесенными вперед пулеметными гнездами и стрелковыми ячейками на одного-трех стрелков. Стрелковые ячейки были прикрыты броневыми щитами с козырьками и амбразурами для стрельбы.

Основными типами противопехотных препятствий были проволочные сети и мины. Эти противопехотные препятствия дополнялись противотанковыми. Надолбы обычно ставились в четыре ряда, на расстоянии двух метров один на другого, в шахматном порядке. Они иногда усиливались проволочными заграждениями, а в других случаях – рвами и эскарпами.

Таким образом, противотанковые препятствия превращались одновременно и в противопехотные.

Наиболее мощные препятствия были на высоте 65,5, у дота № 006, и на Хотинене, у дотов №№ 35, 40 и 45, которые являлись основными в системе обороны междуболотного и суммского узлов сопротивления. У дота № 006 проволочная сеть доходила до 45 рядов, из которых 42 ряда были на металлических кольях высотой 60 сантиметров, заделанных в бетон. Надолбы в этом месте имели 12 рядов камней и были расположены посреди проволоки. Чтобы подорвать надолбы, надо было пройти 18 рядов проволоки под трех-четырёхслойным огнем и в 100–150 метрах от переднего края обороны противника.

Насыщение огневыми точками наиболее мощного хотиненского (суммского) узла обороны достигало: на один квадратный километр 5 долговременных и 10 деревоземляных огневых точек; на 1 погонный километр – 2 долговременных и 5 деревоземляных огневых точек.

Основным принципом финнов в постройке полос заграждений было сочетание мощности препятствий с их массовостью.

Вторая оборонительная полоса имела 39 долговременных огневых сооружений и 178 деревоземляных построек. Она была оборудована по тем же принципам, что и основная, но с меньшим развитием полевого заполнения.

Тыловая, или Выборгская, оборонительная полоса состояла из 34 железобетонных сооружений и 108 деревоземляных.

Плотность заграждений и плотность огня здесь были те же, что и на главной оборонительной полосе.

Частям Красной Армии впервые в истории войн выпала задача прорыва долговременной, укрепленной железобетонной полосы обороны¹⁴.

Боевые действия на Карельском перешейке, начатые 30 ноября 1939 г. войсками 7-й армии на широком фронте (100–110 км), имели цель прорвать оборону противника с последующим развитием успеха в общем направлении на Выборг.

---

¹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2744. Л. 3–4.

Особенности местности, суровая зима, сильно укрепленные позиции давали большие преимущества обороняющимся, что привело к массовым штурмовым действиям частей Красной Армии.

Характер и тактический рисунок наступательного боя становились другими, предъявляя тем самым более высокие требования к количественным и качественным характеристикам войск, в том числе к инженерным.

1 декабря за подписью К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова в войска была направлена директива¹⁵.

В ней говорилось, что для преодоления препятствий необходимо создание в дивизиях отрядов по преодолению полос заграждений из дивизионных, корпусных, армейских саперных и инженерных частей, усиленных пехотой и артиллерией. Рекомендовалось создать специальные команды для очистки дорог от завалов с широким применением кошек для их растаскивания и удлиненных зарядов для подрыва мин и завалов.

В отчетных документах о действиях инженерных войск указывалось, что с первых дней войны стала очевидной малочисленность инженерных войск, особенно армейского звена. Но Генеральным штабом, несмотря на целый ряд предложений по усилению армии инженерными войсками, к началу войны практически было сделано очень мало¹⁶.

Инженерные войска вступили в войну, имея ряд серьезных недостатков. Так, саперные батальоны практически всех дивизий были двухротного состава, а 15-й, 28-й, 34-й стрелковые корпуса и 42-я стрелковая дивизия таковых и вовсе не имели.

Армейские инженерные части, как показали боевые действия, оказались маломощными и недостаточного количества. 13-я армия до марта 1940 г. не имела ни одного армейского инженерного батальона, а 124-й инженерный батальон фактически был корпусным саперным батальоном. 7-я армия, нанося главный удар, для инженерного обеспечения наступления в своем составе имела инженерный батальон Карельского укрепрайона, 125-й армейский инженерный батальон, 5-й, 6-й и 7-й понтонные батальоны, отдельные саперные батальоны 19-го и 50-го стрелковых корпусов, 9 дивизионных саперных батальонов двухротного состава и три саперных роты танковых бригад. Всего на фронте вместе с полковыми саперными взводами было около 70 инженерных и саперных рот. Для инженерного обеспечения штурма столь сильно укрепленных позиций плотность около 0,7 инженерно-саперной роты на 1 км фронта была недостаточной.

Подготовка инженерных войск не отвечала высоким требованиям штурма укрепленных позиций. До начала боевых действий инженерные войска систематически в течение ряда лет привлекались к участию в оборонительном строительстве и боевой подготовкой практически занимались эпизодически. Обучение производилось непосредственно в ходе выполнения боевых заданий, что приводило к большим потерям и неумению правильно использовать инженерные подразделения большинством командиров стрелковых частей.

Комплектование инженерных частей по штатам военного времени производилось во многом формально, обученного инженерному делу пополнения части практически не получали. Так, младший командный состав инженерных частей полностью был призван из запаса и имел низкий уровень знаний.

Техническое оснащение инженерных частей и организация не в полной мере отвечали решаемым этими частями задачам. Имелся большой некомплект автомашин и тракторов. К примеру, в частях некомплект дорожных машин составлял 50 %, а по тракторам и того больше – в 13-й армии он составлял 66 %¹⁷.

---

¹⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 22–23.

¹⁶ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 21.

¹⁷ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 90.

К началу боевых действий не были отработаны штаты отделов инженерных войск армии и фронта, а имеющиеся не обеспечивали выполнения задач инженерного обеспечения наступления и штурма. Начальники инженерной службы в дивизиях и корпусах не имели помощников и инженеров-специалистов, что уже чисто физически не позволяло охватить в полном объеме весь комплекс инженерных работ.

Техническое оснащение инженерных войск не удовлетворяло потребностей инженерного обеспечения наступательного боя. Технические средства инженерного вооружения частей ни в качественном, ни в количественном отношении не обеспечивали выполнения сложных инженерных задач по развитию наступательной операции и обеспечению штурмовых действий. Дивизионные, корпусные саперные батальоны и армейские инженерные батальоны имели одинаковое оснащение техникой при различных задачах инженерного обеспечения операций. Инженерные войска не имели на вооружении средств, предназначенных для этого театра военных действий и выполнения особых инженерных задач.

К началу войны и в ходе ее инженерная разведка в армии так и не была оформлена организационно. Специальных разведывательных групп или подразделений инженерные войска не имели. По штатам военного времени в составе взводов управления саперных батальонов предусматривались отделения разведки, но они не были готовы к выполнению сложных и многообразных задач специальной инженерной разведки. Поэтому инженерные войска не имели конкретных данных о характере инженерной подготовки финских войск к войне. Описание укрепрайона на Карельском перешейке было дано общими штрихами, чертежи железобетонных точек в большинстве оказались неверными, а конструкции противотанковых мин явились неожиданностью. Не было достаточных сведений о видах противотанковых заграждений.

Саперные батальоны не имели специальных средств инженерной разведки, кроме нескольких несовершенных миноискателей «ИЗ». Не было штатных биноклей, и саперные разведчики пользовались трофейными.

Другие рода войск в инженерном отношении были подготовлены крайне слабо. Инженерное дело плохо знали не только рядовые бойцы, но и средний командный состав, который не имел опыта и навыков руководства инженерными работами и не мог правильно использовать приданные стрелковым частям инженерные подразделения¹⁸.

С самого начала боевых действий тому было немало примеров¹⁹. Маскировочные мероприятия часто игнорировались и не проводились. В ночное время районы расположения частей демаскировались кострами, шумом и криками. В одном из итоговых документов войны с Финляндией подчеркивалось: «...Плохая выучка, «российская беспечность» выявила у бойца нелюбовь к скрытности действий... инженерному оборудованию своих окопов... Всему этому учил в бою огонь противника»²⁰.

Инженерные части, придаваемые войскам для выполнения задач инженерной разведки, преодоления различного рода препятствий и обеспечения штурмовых действий стрелковых частей, часто использовались для выполнения инженерных работ не по назначению. А неумение командного состава стрелковых частей руководить простыми в исполнении инженерными работами приводило к тому, что все их выполнение ложилось на инженерные подразделения.

Так, в журнале боевых действий 108-го инженерного батальона, предназначенного для выполнения наиболее сложных боевых задач, имеются характерные примеры использования инженерных частей: «25.12.1-я инженерная рота отрывала окопы для 3-го батальона 245-го сп.

26.12. 1-я инженерная рота заготовляла заряды и отрывала окопы для 2-го батальона 245-го сп. 3-я рота участвовала в наступлении сп и использовалась как «стрелковые подразделе-

¹⁸ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 4.

¹⁹ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202 Л. 5–7.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1391. Л. 110.

ления» и т. д. И далее говорилось, что «инженерные войска, преданные своей Родине и верные присяге, в период боев за предполье неоднократно показывали образцы мужества и героизма. Двигаясь впереди и прокладывая путь всем родам войск через мины, фугасы, завалы, надолбы, разрушения и водные преграды, перенапрягаясь из-за малочисленности и слабой подготовки, они выполнили возложенные на них задачи»²¹. Но, как отмечалось позже: «Наступательные действия частей Красной Армии в первый период характерны совершенно неудовлетворительной подготовкой наступательной операции и... были сорваны»²².

Вместе со слабой подготовкой наступательной операции, недостатком сил и средств пришлось понимание невозможности овладения с ходу главной полосой обороны. Лобовой таранный удар оказался невозможным. Становилось ясным, что для преодоления линии Маннергейма требовались совершенно другой порядок действий и основательная специальная подготовка.

В конце декабря 1939 г. Главный военный совет принял решение о временном приостановлении наступления. Начался новый этап в подготовке проведения операции, целью которого был прорыв линии Маннергейма.

Осуществляется большой комплекс различных мероприятий. 7 января 1940 г. создается Северо-Западный фронт в составе 7-й и 13-й армий, которые получили значительное пополнение личного состава, боевой техники и вооружения.

С момента формирования Северо-Западного фронта инженерные войска получили указания по подготовке к прорыву укрепленной полосы, созданию исходного плацдарма, маскировке своего расположения и подготовке штурмовых отрядов²³.

В период подготовки к прорыву основной оборонительной полосы полковые и дивизионные саперы использовались в разведке и для устройства проходов в системе противотанковых и противопехотных заграждений переднего края обороны под огнем противника. Устройство проходов в надолбах проводилось подрывным способом. Подступы к переднему краю были заминированы. Ночные разведки сооружений и заграждений велись саперами непрерывно. Штурмовые группы в порядке разведки сооружений противника уточняли характер сооружений, а при благоприятном случае производили взрывы.

Характерным примером таких действий служит подрыв дотов №№ 44 и 45 и двух деревянных сооружений в том же узле сопротивления.

На участке 355-го и 331-го стрелковых полков 100-й стрелковой дивизии были выделены на блокировку дота № 45 саперный взвод 90-го отдельного саперного батальона и стрелковый взвод 355-го стрелкового полка. Блокировку дота обеспечивала 4-я рота этого же полка. К исходу дня 1 февраля дот был блокирован стрелками и саперами, но из-за больших потерь саперов (в строю осталось 7 человек) подорвать его не удалось. Остатки блокировочной группы отошли в исходное положение.

В 21.00 1 февраля командир 90-го батальона получил приказание возглавить группу и уничтожить дот № 45. В ночь со 2 на 3 февраля группа в составе роты 355-го стрелкового полка, двух отделений саперов, двух танков «Т-26» блокировала дот № 44. Уложить заряды у стен дота мешал огонь противника, и их укладывают на его покрытие, при этом общий вес зарядов составил 1200 кг. В 4.20 3 февраля дот № 44 взрывом был разрушен, а его остатки заняла рота 355-го стрелкового полка. Взрыв дота № 44 дал возможность завершить операцию по окончательному уничтожению дота № 45²⁴.

Тем не менее частные атаки, как и показывают примеры, не имели четкой организации и приводили к большим потерям. В этой связи издается приказ по Северо-Западному

²¹ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 23.

²² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 12.

²³ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 24.

²⁴ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 25–27.

фронту²⁵. В нем признается правильным стремление войск проявлять активность в виде частных атак по захвату отдельных дотов и расшатывания обороны противника. Но также отмечалось, что армии не имеют продуманного плана, увязанного по времени с точным указанием, на каких участках какие доты противника нужно захватить, какие силы, средства выделяются и на кого возлагается организация и проведение частной атаки. В результате организуемые частные атаки проводятся безответственно, без контроля и должного руководства вышестоящих начальников, не достигают поставленных целей и войска несут напрасные потери.

Приказ требовал организованного проведения частных атак по штурму и захвату дотов. По сути, этот приказ предусматривал основные положения инструкции по организации и подготовке штурмовых отрядов. Целесообразность такого рода инструкции была обусловлена необходимостью придать новым формам наступательного боя логически завершенный вид, т. е. обеспечить его конечную цель.

Работа над созданием инструкции и ее последующей реализацией образно показана в книге Героя Советского Союза генерал-полковника А.Ф. Хренова (в ту пору начальник инженерных войск 7-й армии)²⁶.

Первая мировая война, на изучение опыта которой А.Ф. Хренов затратил немало времени, знала достаточно примеров прорыва долговременной, глубоко эшелонированной обороны. Причем достигалось это медленным, постепенным преодолением каждой оборонительной позиции. В данной ситуации, по мнению А.Ф. Хренова, имело смысл обратиться к опыту прошлого и, опираясь на него, стремиться к последовательному пробиванию брешей в обороне противника с последующим расширением флангов. Добиваться этого следовало строго согласованными по единому плану действиями артиллерии, пехоты и танков с широким использованием инженерных средств. А.Ф. Хренов считал, что для отработки таких действий требовалось создать специальную инструкцию и провести в соответствии с ней тренировки на местности всех соединений и частей, участвующих в прорыве.

Все свои соображения по этому поводу А.Ф. Хренов изложил в письменном виде. Его докладная попала к А.А. Жданову, члену Военного совета фронта. На следующий день его вызвал командующий фронтом К.А. Мерецков. А.Ф. Хренов доложил командующему, что для подготовки такой инструкции имеются конкретные данные – дешифрованные снимки всей линии Маннергейма, достаточно полные сведения о тактико-технических свойствах огневых сооружений противника. Для отработки действий на местности он предложил приспособить захваченный финский учебный полигон в Бобошино.

Через несколько дней проект инструкции был готов. Командующий фронтом утвердил ее, внося несколько дополнений и уточнений.

Инструкция предусматривала проведение основательной артиллерийской подготовки, ведущейся не по площадям, а по конкретным целям. Запрещалось бросать в наступление пехоту до того, как будут разрушены доты на переднем крае обороны противника. Для блокировки и уничтожения дотов предписывалось создание штурмовых групп из расчета трех на стрелковый батальон. В состав группы включались один стрелковый и один пулеметный взводы, два-три танка, одно-два 45-мм орудия, от отделения до взвода саперов, два-три химика. Саперам надлежало иметь по 150–200 кг взрывчатки на каждый дот, а также миноискатели, ножницы для резки проволоки, фашины для преодоления танками рвов. Кроме штурмовых групп, создавались еще группы разграждения и восстановления.

Около Бобошино противник оборудовал военный полигон, предназначенный для практического обучения своих инженерных частей. Саперы воспроизвели там типовой участок линии Маннергейма с дотом, надолбами, колючей проволокой.

²⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–18.

²⁶ Хренов А.Ф. Мосты к победе. – М., 1982. – С. 54–56.

Организацию занятий и наблюдение за их ходом поручили А.Ф. Хренову. Учеба и тренировки велись днем и, что особенно важно, ночью. Начиналось занятие с имитации артподготовки. Затем под прикрытием стрелков и пулеметчиков вперед выдвигались саперы с миноискателями. На их пути встречались «мины», которые нужно было обнаружить и обезвредить, чтобы открыть путь пехоте и танкам. После этого саперы резали колючую проволоку и подрывали надолбы.

Теперь вперед выдвигалась пехота и танки, выводилась на прямую наводку артиллерия. Предполагалось, что дот еще не подавлен, но боевая мощь его ослаблена. Действия пехоты, артиллеристов и танкистов должны были облегчить саперам выполнение главной задачи: выйти в тыл дота с необходимым количеством взрывчатого вещества и подорвать сооружение. Тем самым штурмовая группа выполняла свое назначение, и в атаку поднимался весь батальон. Через полигон проходили батальон за батальоном, полк за полком. Его не миновала ни одна из частей, которой предстояло действовать на любом из участков 110-километрового фронта. На отработку инструкции ушло около месяца.

Приказ и приведенные примеры наглядно подтверждают, что в период подготовки прорыва инженерная разведка обороны противника, обучение личного состава и техническое оснащение – а именно, наличие и подготовка средств преодоления заграждений и разрушения долговременных сооружений – являются важнейшими элементами обеспечения успеха штурма.

Для обучения саперов ведению инженерной разведки и ее организации в войска были направлены командный состав отдела инженерных войск фронта, представители Ленинградского военно-инженерного училища и слушатели военной электротехнической академии²⁷.

Но основное внимание в приказе и других документах уделялось подготовке и обучению штурмовых отрядов²⁸. Для этого во вторых эшелонах дивизий, на захваченных финских опорных пунктах были организованы занятия и практическое обучение отрядов. Отрабатывались вопросы взаимодействия саперов, пехоты, танков и артиллерии, вырабатывались приемы разведки и захвата долговременных сооружений противника.

Эти мероприятия требовали особой тщательности и высокой квалификации. Их осуществление было поручено командному составу отдела инженерных войск фронта и преподавателям Ленинградского военно-инженерного училища²⁹.

С целью подготовки младшего командного состава для пополнения его убыли в действующих инженерных частях при корпусных саперных батальонах организовывались сборы наиболее подготовленных и проявивших себя красноармейцев. А в период затишья боевых действий и при отводе подразделений инженерных частей на отдых и переформирование с ними проводились занятия по тактической подготовке, подрывному делу, преодолению заграждений и лыжной подготовке.

Помимо этого были разработаны и направлены в войска руководства, памятки, инструкции по инженерному делу. Они помогали личному составу инженерных войск лучше изучить инженерное вооружение финнов, различного рода препятствий, освоить новое инженерное вооружение Красной Армии и научиться его эффективному применению. Особенно большую помощь инженерным войскам оказала инструкция, определяющая организацию и действия штурмовых групп по разведке и захвату дотов.

Проведенные мероприятия дали возможность обеспечить потребность инженерных войск фронта подготовленными командными кадрами и красноармейским составом.

---

²⁷ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 63.

²⁸ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 9.

²⁹ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 63.

Для прорыва линии Маннергейма планировалось массирование сил и средств на главных направлениях и глубокое эшелонирование войск. Главный удар наносился смежными флангами обеих армий на участке в 45 км. На этом направлении сосредоточивались основные силы. Оперативное построение армий и в целом фронта намечалось в один эшелон, причем армии выделяли в резерв 1–2 дивизии. Построение боевого порядка корпусов определялось в 2 эшелона, дивизий – в 1–2 эшелона.

Принцип массирования сил распространялся в первую очередь на инженерные войска. На Выборгском направлении, в полосе наступления 7-й армии, находились наиболее мощные укрепления финнов. В этой связи на Выборгском направлении сосредоточивалось около двух третей инженерных войск, имевшихся на фронте: 25 батальонов из 40 имевшихся, 4 отдельные роты из 5 и легкопереправочный парк. Причем 4 инженерных батальона из 5 на фронте, наиболее подготовленные в инженерно-саперном деле, действовали в полосе наступления 7-й армии.

План инженерного обеспечения штурма и прорыва укрепленной полосы предусматривал³⁰:

- доразведку и устройство проходов в препятствиях и заграждениях на переднем крае обороны противника и в глубине;
- обеспечение штурма долговременных огневых сооружений и уничтожение их путем подрыва;
- обеспечение и расширение проходов, расчистку и разминирование;
- закрепление захваченных рубежей;
- прокладку колонных путей для действия частей в глубине оборонительной полосы и для развития успеха наступления;
- строительство и восстановление разрушенных мостов и дорог.

Инженерное обеспечение штурма долговременных сооружений и продвижение атакующих соединений первого эшелона армий возлагалось на дивизионные и корпусные саперные батальоны и приданные корпусам инженерные части – всего около 175 рот. На стрелковый полк, действующий на главном направлении в полосе прорыва, выделялся первый эшелон саперов в количестве до 1 саперной роты. В состав штурмовых отрядов на каждый полк выделялась еще одна саперная рота.

Решающее наступление войск Северо-Западного фронта началось 11 февраля. Основная тяжесть по прорыву обороны ложилась на 7-ю армию, наступающую в направлении Выборга. Для саперов важнейшей задачей было инженерное обеспечение штурма долговременных оборонительных сооружений, оставшихся после артиллерийской подготовки. Из общего количества разрушенных огневых сооружений на долю артиллерии и авиации пришлось не более 30 процентов.

Действовавшие в составе штурмовых групп саперы с 12 по 20 февраля подорвали 320 оборонительных сооружений, в том числе в полосе наступления 7-й армии – 279³¹. Но главная задача состояла в штурме и уничтожении долговременных сооружений, составляющих основу обороны финнов. Из указанного числа разрушенных сооружений 90 – это мощные железобетонные доты, убежища и наблюдательные пункты. Причем 70 долговременных сооружений уничтожено в полосе наступления 7-й армии.

В ходе наступления саперам для обеспечения успеха прорыва и штурма приходилось под интенсивным огнем вести работы по обезвреживанию мин. Особенности местности, тяжелые климатические условия, отсутствие эффективного прибора замедляли поиск мин, делали его

³⁰ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 30.

³¹ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4202. Л. 32.

медленным и чрезвычайно опасным. Но в целом темп разминирования был довольно высоким – до 1000 мин и фугасов за день.

Для прорыва линии Маннергейма потребовалось 18 суток. Наступление войск фронта завершилось 13 марта 1940 г. взятием Выборга.

Действия инженерных войск в советско-финляндской войне показали их возрастающую роль в обеспечении наступательных операций при прорыве мощного укрепленного района и преодолении развитой системы заграждений.

По итогам боевых действий был предложен комплекс мероприятий, направленных на повышение боевых возможностей войск и обеспечение их современной инженерной техникой.

Особое место в предложениях отводилось необходимости организовать систематическую подготовку войск по прорыву – действиям штурмовых отрядов и блокировочных групп, взаимодействию родов войск.

По инженерной технике предлагалась идея по ее унификации, модернизации, типизации, универсальности и надежности. Например, высказывалась мысль иметь специальный танк для подрыва дотов, однотипные трактора, дорожные машины и т. д.

В предварительном докладе К.Е. Ворошилова по итогам советско-финляндской войны основные недостатки в организации деятельности и обеспечении инженерных войск нашли свое отражение, признавалось необходимым их искоренение с осуществлением необходимых мер по улучшению снабжения всеми современными средствами механизации³².

Война с Финляндией обнажила крупные недостатки в состоянии нашей армии, но, как отмечалось в декабре 1940 г. на совещании высшего руководящего состава РККА, «опыт войны остался необобщенным и неизвестным для широких масс командующего состава, не принимавшего в ней участие...»³³.

Несмотря на все трудности и значительные потери, Красная Армия внесла в историю военного искусства невиданные по своему напряжению операции и бои, продолжавшиеся непрерывно и днем и ночью в течение целого месяца, и добилась победы. Части Красной Армии прорвали и разгромили железобетонную линию Маннергейма, уничтожили главные силы армии противника, выбили его лучшие кадры, вынудили заключить выгодный для нас мир. Солдаты и офицеры получили неоценимый опыт ведения боевых действий.

В советско-финляндской войне был накоплен богатый опыт подготовки и ведения боевых действий по прорыву долговременной обороны и их инженерного обеспечения: организация и ведение инженерной разведки обороны противника на большую глубину; оборудование исходного района для наступления в зимних условиях; обнаружение различных минно-взрывных заграждений и их преодоление; участие в штурмовых действиях войск при прорыве долговременной обороны; обеспечение форсирования водных преград, наведение переправ, устройство и содержание путей в суровых зимних условиях.

Опыт войны показал растущую роль инженерного обеспечения. Разнообразие, сложность и масштабность его задач, увеличившееся влияние на ход не только боев, но и операции в целом свидетельствовали о том, что инженерные войска приобретали весомое оперативное значение.

Вместе с тем в ходе боевых действий определились существенные недочеты в инженерной подготовке родов войск и недостаточная специальная выучка инженерных частей и подразделений. Выявилось и недостаточное обеспечение войск средствами инженерного вооружения. Инженерная техника подверглась значительному испытанию в особо трудных условиях. Большинство образцов техники эти испытания выдержали. Крайне ограниченными по номен-

---

³² РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 91. Л. 99.

³³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2742. Л. 71.

клатуре и недостаточно высокими по качеству были средства разведки (миноискатели) и разграждения минных полей. Выявился ряд слабых мест в конструкции и применении мин.

В документах о предварительных итогах советско-финляндской войны отмечалось, что в ошибках повинны практически все и не следует искать отдельных виновников, а необходимо как можно скорее учесть все недостатки и не допустить их повторения в будущем.

Но, как показал опыт, этого не произошло.

Совещание 1940 г. примечательно тем, что на нем ставилась цель обобщить опыт боевых действий последних лет, особенно советско-финляндской войны, и прежде всего в теории и практике действий штурмовых отрядов по прорыву крупных укрепленных районов.

Выступая на совещании с докладом «Характер современной наступательной операции», Г.К. Жуков констатировал, что на Карельском перешейке впервые в современной военной истории показано искусство прорыва мощных укреплений полосы³⁴.

Как поучительный пример говорилось об армии Германии, которая при прорыве укрепленного района особое внимание уделяла тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танкам, саперам и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной укрепленный район, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах. Немцы в этом отношении во многом использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила.

А использование саперных частей в немецкой армии по последнему опыту характерно тем, что они в основном предназначались не для решения вспомогательных, обслуживающих задач, а для решения главным образом боевых задач совместно с основными родами войск: танками, пехотой и артиллерией, что было, в частности, и у нас в период боевых действий при прорыве на Карельском перешейке. Но не было в целом ряде других операций, где части инженерных и саперных войск ставились в положение обслуживающих³⁵.

Острые дискуссии были по докладу генерал-инспектора пехоты А. К. Смирнова «Бой стрелковой дивизии в обороне и наступлении»³⁶. Высказывалось мнение, что боевой порядок первого эшелона должен в первую очередь явиться по отношению ко всем последующим эшелонам штурмовым батальоном. Определялось следующее его построение – каждая рота на своем участке будет иметь штурмовой взвод с задачей только сохранить направление удара.

Но в ходе выступлений высказывалось, что вопрос с названием штурмового батальона неактуален.

Итоги совещания подвел нарком обороны С.К. Тимошенко³⁷. В заключительном докладе определились современные оперативные взгляды, разработаны основы фронтовой операции, способы ведения оборонительной и наступательной операций, подведены итоги и определены задачи боевой подготовки войск.

На высшем военном уровне был сделан однозначный вывод, что опыт наступательных и оборонительных операций со всей резкостью поставил вопрос о необходимости всем родам высоко владеть инженерным искусством и иметь в достаточном количестве отлично подготовленные инженерно-саперные части и разнообразный арсенал инженерных средств. Ставилась задача всемерно поднять значение, роль и подготовку инженерных и саперных войск и обучение инженерному искусству других родов войск, в первую очередь пехоты.

Началась реорганизация инженерных войск 22 июня 1940 г., за год до войны, нарком обороны СССР С.К. Тимошенко подписал приказ № 0122 о реорганизации инженерного управления Красной Армии в Главное военно-инженерное управление (ГВИУ)³⁸.

---

³⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 11.; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1391. Л. 95.; Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. – М., 1985. – С. 161–162.

³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2745. Л. 119–120.

³⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2746. Л. 1–131.

³⁷ Тимошенко С.К. Заключительная речь на военном совещании 31 декабря 1939 г. М., 1941.

³⁸ РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4017. Л. 38.

В составе ГВИУ создаются управления: военно-инженерной подготовки, оборонительного строительства, военно-инженерного снабжения и заказов. Реорганизация ГВИУ поручается генерал-майору инженерных войск А.Ф. Хренову, осуществление которой приказывалось завершить к 15 июля. Начальнику Генштаба предписывалось представить к 27 июня штаты ГВИУ и Положение о нем.

На ГВИУ возлагались обязанности по организации и руководству:

- разработкой предложений по инженерной подготовке театров военных действий;
- инженерной подготовкой других родов войск и боевой подготовкой инженерных войск;
- планированием и проведением оборонительного строительства на сухопутных ТВД;
- разработкой и заказами промышленности средств инженерного вооружения, приемкой их от промышленности и снабжением ими войск;
- мобилизационным развертыванием инженерных частей РГК и планированием средств инженерного вооружения.

Дальнейшее осуществление реорганизации инженерных войск выразилось:

- в поиске и разработке новой организации инженерных частей и подразделений в мирное и военное время;
- в определении армейского комплекта инженерных частей, необходимого для обеспечения действий общевойсковой армии, мобилизационном планировании и оперативных расчетах при ведении боевой подготовки войск и штабов;
- в формировании инженерных и понтонно-мостовых полков резерва Главного командования (РГК).

Была устранена часть основных недостатков, обнаженных советско-финляндской войной.

К началу Великой Отечественной войны установилась довольно четкая типовая организация инженерно-саперных частей и подразделений войскового звена по штатам военного времени.

Был разработан и получил свое оформление армейский комплект инженерных войск военного времени. В него включались инженерный батальон, моторизованный понтонно-мостовой батальон, отдельные роты: гидротехническая, полевого водоснабжения, маскировочная, электротехническая; отряд глубокого бурения, отдельный резервный парк Н2П, запасной инженерный полк, запасная рота особой техники. Комплект был рассчитан на инженерное обеспечение армейской операции штатными инженерными частями армии. Лишь при действиях армии на главном направлении фронта или в особых условиях ей придавались на усиление инженерные части РГК, к которым относились тяжелые понтонно-мостовые полки, отдельные моторизованные инженерные, понтонно-мостовые батальоны и взводы ТОО.

Главным в реорганизации инженерных войск явилось создание на базе отдельных батальонов и рот мирного времени инженерных и понтонно-мостовых полков РГК. Они предназначались для повышения качества боевой и специальной подготовки армейских и подчиненных округам инженерных частей, а также для их мобилизационного развертывания на случай войны.

Всего в феврале – апреле 1941 г. было сформировано 18 инженерных и понтонно-мостовых полков РГК³⁹. Организация полков обеспечивала самостоятельность в организации боевой подготовки в мирное время и развертывание боевых и запасных частей и подразделений на случай войны. К началу Великой Отечественной войны в приграничных округах находилось 10 инженерных и 10 понтонно-мостовых полков.

Однако техническое оснащение инженерных войск было слабым. Не были в полной мере устранены недостатки, выявленные в прошедшей войне. Ощущалась большая нехватка средств

---

³⁹ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12112. Д. 20. Л. 161–162.

инженерного вооружения. Новая техника только начала поступать в войска, причем многие наиболее совершенные средства не имели серийного производства. Инженерные войска имели неудовлетворительное обеспечение инженерными боеприпасами.

Незавершенность технического перевооружения инженерных войск создала в будущем значительные трудности в инженерном обеспечении боевых действий Красной Армии.

Подготовка кадров в связи с развертыванием новых инженерных частей становилась важным элементом их реорганизации. Но, несмотря на создание училищ, подготовка кадров не успевала за темпами развертывания инженерных войск. К началу войны некомплект среднего состава в большинстве инженерных частей доходил до 40–60 %. Общая численность командного состава инженерных войск к началу войны составляла 12 796 человек, что составило 83 % штатной потребности⁴⁰.

Развертывание инженерных войск определялось планом мобилизации МП-41, утвержденным правительством в феврале 1941 г.

Анализ группировки инженерных войск показывает, что основная их часть была сосредоточена в западных приграничных округах и предназначалась для инженерного обеспечения первого стратегического эшелона Вооруженных Сил.

Дислокация инженерных войск приграничных военных округов определялась тем, что основная их часть в апреле – мае 1941 г. была привлечена к строительству укрепленных районов, которое развернулось на новой государственной границе.

На возведение укрепленных районов, кроме 174 саперных батальонов стрелковых корпусов и дивизий, было привлечено 9 инженерных полков из 10 имевшихся в приграничных военных округах (общее количество батальонов инженерных войск составило 201) и 70 строительных батальонов численностью 1000 человек в каждом⁴¹.

Таким образом, на оборонительное строительство были направлены не только все дивизионные, корпусные батальоны и большая часть инженерных полков приграничных военных округов, но и значительная часть инженерных частей внутренних округов.

Боевая и специальная подготовка инженерных войск не выдерживала какой-либо критики. Так, начальник инженерного управления Западного фронта М.П. Воробьев докладывал начальнику ГВИУ, что инженерные части Киевского особого военного округа, из года в год привлекаемые на оборонительное строительство, по существу, превратились в рабочие команды и к выполнению задач в соответствии со своим боевым назначением практически не были готовы⁴².

Следует заметить, что такое состояние инженерных войск не ново. И раньше, после окончания советско-финляндской войны, инженерно-саперные части постепенно превращались в строительно-хозяйственные команды. В данном конкретном отрезке времени такое состояние инженерных войск накануне войны связано прежде всего с большим объемом и широким размахом оборонительного строительства в приграничных районах, а также реконструкцией ранее возведенных УРов. К строительству также были привлечены инженерные и понтонно-мостовые полки, на базе которых по мобилизационному плану МП-41 должны были формироваться в основном инженерные части резерва Главного командования.

Уже начальный период войны показал, что количество инженерных частей, особенно РГК, предусмотренное к развертыванию по МП-41, было недостаточным как по числу самих частей, так и по численности их личного состава. Это свидетельствовало о недооценке роли и значения инженерных войск в будущей войне, несмотря на полученный опыт в советско-фин-

---

⁴⁰ Стратегический очерк Великой Отечественной войны. – М., 1961. С. 125; ЦАМО. Ф. 8, Оп. 179415. Д. 16. Л. 10–70.

⁴¹ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12120. Д. 20. Л. 47–70, 83–102, 109–135.

⁴² ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12111. Д. 59. Л. 101–103; Ф. 15. Оп. 2245. Д. 84. Л. 176.; Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. – М., 1985. – С. 163–190.; Общая тактика (в трех томах) – Т. 1. М., 1940. – С. 143–149, 301–304; – Т. 2. М., 1941. – С. 58–63, 91–93; – Т. 3. М., 1941 – С. 48–53, 74–76.

ляндской войне, отводившей значительную роль инженерным войскам в преодолении современных зон заграждений, при штурме и преодолении сильно укрепленных позиций и полос обороны.

Недостаток инженерно-саперных частей и их малочисленность обусловлены и другими причинами. Так, быстрое развитие технических и строительных наук, индустриализация страны и перевооружение армии послужили основой для дальнейшего развития ведущих отраслей военно-инженерного дела, дали толчок для поиска новых форм инженерной борьбы с противником. Причем теоретические исследования в этих отраслях позволяли давать войскам необходимые рекомендации на уровне последних достижений науки и техники и совершенствовать способы инженерного обеспечения боевых действий и организацию инженерных работ. Однако нехватка инженерной техники не позволила вести инженерные работы с применением индустриальных методов в широком масштабе, что, в свою очередь, сказывалось как на количестве инженерных частей, так и на их численности. Вряд ли было бы целесообразным содержание большого количества многочисленных инженерных частей при отсутствии современной учебно-материальной базы, но вооруженных устаревшим (что могла дать инженерному батальону или бригаде саперная лопатка?!), малоэффективным, а иногда уже и непригодным вооружением и техникой. К тому же в инженерно-саперных частях ощущалась нехватка квалифицированных инженерно-командных кадров.

И все же этот период был важным этапом в развитии нашего советского военно-инженерного искусства. На основе обобщения опыта прошлого, перспектив развития военной техники и способов ведения вооруженной борьбы разрабатывались соответствующие мероприятия по подготовке территории страны к войне, способы инженерного обеспечения боевых действий основных родов войск и применения инженерных войск в бою и операции.

К 1940 г. были разработаны способы инженерного обеспечения боевых действий и применения инженерных войск в маневренных и позиционных формах борьбы, в том числе в глубокой операции. Вместе с тем боевая практика советско-финляндской войны выдвигала перед теорией новые задачи в области развития средств инженерного вооружения, совершенствования организационной структуры инженерных войск, их использования и подготовки, способов выполнения инженерных задач и т. п.

Временный полевой устав 1941 г. (ПУ-41), сменивший проект ПУ-39, обобщал боевой опыт советско-финляндской и уже стучавшейся к нам Второй мировой войны. В июне 1941 г. ПУ-41 был разослан в войска. В нем были отражены последние официальные оперативно-тактические взгляды, с которыми Красная Армия вступила в Великую Отечественную войну. Однако, ввиду того что в свет он вышел незадолго до начала войны, внедрение его требований в практику находилось лишь на начальной стадии.

ПУ-41 рассматривал современный бой прежде всего как бой с массовым применением артиллерии, танков и авиации. В рекомендациях по организации и ведению наступления он особое внимание уделял прорыву обороны, глубоко эшелонированной и насыщенной современными средствами борьбы, в том числе прорыву укрепленных районов.

В трудах и учебниках по военному искусству отмечалось, что большая сила оборонительной системы требует специальной подготовки войск, назначенных для прорыва, включая их ознакомление с приемами преодоления искусственных препятствий, с приемами боя в траншеях и борьбы с долговременными огневыми точками. Причем если позволяла обстановка, то следовало проводить с войсками специальные занятия по прорыву укрепленных полос.

В этой ситуации для боевого порядка было характерным более глубокое эшелонирование войск, создание штурмовых групп из пехоты, усиленной БА, танками, саперами и химиками для борьбы с сохранившимися или ожившими дотами, и организация групп разграбления из инженерных подразделений с необходимыми средствами.

Каждый род войск на прорыв сильно укрепленных позиций получал свои задачи. Так, с началом наступления инженерные войска должны были составлять группы разграждения, входить в состав штурмовых групп и т. п.

Теоретическими разработками уточнялись организация и практика осуществления инженерного обеспечения общевойскового боя на всех его этапах, в том числе прорыв укрепленных районов.

Однако к началу войны весь комплекс инженерных мероприятий не получил полного завершения. В целом же фактическое состояние инженерных войск не соответствовало теоретическим взглядам на их роль, оснащение и боевое применение. Незавершенность их реорганизации и перевооружения создавали огромные трудности в практическом осуществлении предусмотренных теорией задач инженерного обеспечения, в применении рекомендованных способов их решения. Трудности инженерного обеспечения боевых действий войск усугублялись незавершенностью военно-инженерной подготовки театра военных действий, на котором развернулись первые сражения.

К тому же следует отметить, что в начальный период войны инженерно-саперные части, как и все Вооруженные Силы, понесли большие потери в технике и личном составе. Это отрицательно сказалось как на самих инженерных войсках, так и на инженерном обеспечении боев и операций Красной Армии. И все же им была уготована другая судьба... В ходе Великой Отечественной войны резко поднялось значение и повысился удельный вес инженерных войск на поле боя. Они выросли и количественно, и качественно.

Таким образом, опыт инженерного обеспечения штурмовых действий Красной Армии, полученный в советско-финляндской войне, и состояние инженерного дела накануне Великой Отечественной войны позволили в значительной степени уточнить теоретические взгляды командования Красной Армии на инженерное обеспечение штурмовых действий.

Высшее командование Красной Армии накануне войны констатировало, что инженерные войска перестали быть «тыловым войском». Успех штурма сильно укрепленных позиций или долговременных сооружений стал маловероятен без инженерного обеспечения.

При прорыве укрепленных районов инженерно-саперные части и стрелковые подразделения выполняли совместные боевые задачи.

В советско-финляндской войне инженерные войска обеспечивали штурм и прорыв оборонительных линий, отвечающих тактико-техническим и оперативным требованиям современной обороны.

Был приобретен значительный опыт инженерного обеспечения штурма сильно укрепленных позиций и долговременных сооружений. Тактический рисунок наступательного боя изменился и требовал обязательного насыщения средствами инженерного вооружения, для обращения с которыми была необходима специальная подготовка. Опыт показал, что эффективность инженерного обеспечения штурмовых действий в значительной степени зависит от технического оснащения и степени подготовленности инженерных частей.

Боевые действия на финском театре военных действий определили в инженерном отношении основные условия успеха штурма сильно укрепленных позиций и долговременных сооружений:

- обязательная инженерная разведка местности с применением современных технических средств;
- обеспечение в полном объеме инженерных частей необходимой техникой и вооружением и их грамотное использование;
- создание и подготовка штурмовых групп (или отрядов). Причем эффективность их действий тем выше, чем лучше взаимодействие между пехотой и саперами и если подготовка групп проходила в реальных условиях с отработкой приемов на долговременных сооружениях, которые придется штурмовать.

Реорганизация инженерных войск накануне Великой Отечественной войны не была завершена ни в оргштатном отношении, ни в техническом оснащении.

Парк инженерных машин изобиловал множеством типов базовых машин, большинство из которых имели невысокие ходовые характеристики. Это затрудняло их использование, особенно в условиях высокоманевренных боевых действий.

Главная слабость в оснащении инженерных войск состояла в большой нехватке средств инженерного вооружения. Новая техника только начала поступать в войска, причем многие наиболее совершенные средства не имели серийного производства. Специальные инженерные машины и инженерное имущество, находившееся в армейских и РКК частях, стрелковых соединениях, обеспечивали в основном только учебный процесс. Наличие большинства видов средств инженерного вооружения не соответствовало потребностям развертывания Вооруженных Сил.

Незавершенность технического перевооружения и малочисленность инженерных войск создали в дальнейшем значительные трудности в инженерном обеспечении боевых действий Красной Армии.

Стереотип «тылового войска» не был преодолен до конца, и основная часть инженерных войск (около 80 %) в апреле – мае 1941 г. была привлечена к строительству укрепленных районов на новой государственной границе. Причем на оборонительное строительство были направлены не только все дивизионные, корпусные батальоны и большая часть инженерных полков приграничных военных округов, но и значительная часть инженерных частей внутренних округов.

Боевая и специальная подготовка инженерных войск свелась на нет, и инженерные части, из года в год привлекаемые на оборонительное строительство, превратились в рабочие команды.

По существу, опыт советско-финляндской войны по инженерному обеспечению современных боевых действий накануне суровых испытаний Великой Отечественной не был достаточно изучен, не получил широкого распространения и был в основном утрачен⁴³.

---

⁴³ На декабрьском 1940 г. совещании высшего руководящего состава РККА командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенант И.С. Конев подчеркивал необходимость обобщения и использования современного опыта прорыва укрепленной полосы, имея в виду прежде всего советско-финляндскую войну. По его мнению, единое толкование этого опыта должно найти свое отражение в уставе или временной инструкции, что не было реализовано в полной мере (см. Русский архив: Великая Отечественная. – Т. 12 (1). – М., 1993. – С. 95).

Глава 2. Инженерно-штурмовые действия частей Красной Армии в 1941–1942 гг.

С началом Великой Отечественной войны в условиях стратегической обороны основная задача инженерных войск состояла в обеспечении замедления темпов продвижения противника и создании необходимых условий для перехода Красной Армии в наступление (см. Приложение 1А).

Решение основной задачи обусловило целесообразность и необходимость непрерывного повышения боевых возможностей инженерных войск, их технической оснащенности. Начался поиск и внедрение оптимальных организационных структур войсковых, армейских, фронтовых и резерва Верховного Главнокомандования (РВГК) частей и соединений инженерных войск.

При ведении стратегической обороны постановлением ГКО от 30 октября 1941 г. к середине января 1942 г. было сформировано 10 саперных армий, из которых каждая включала в себя от двух до четырех бригад по шесть-восемь батальонов. Армии подчинялись начальнику инженерных войск Красной Армии. Саперные армии сыграли основную роль в подготовке тыловых оборонительных рубежей государственного значения на западном и юго-западном стратегическом направлениях, особенно при создании обороны Москвы, Сталинграда и Кавказа.

И все же, несмотря на опыт советско-финляндской и первых дней Великой Отечественной войн, имевший место стереотип понимания инженерных войск как «тылового войска» пока еще оставался. В этой связи незадолго до контрнаступления под Москвой, 28 ноября 1941 г., Ставка Верховного Главнокомандования издает приказ⁴⁴. Давая развернутую характеристику состоянию инженерных войск с указанием недостатков по их применению в начальный период войны, приказ изменил структуру и организацию управления ими.

Вместе с другими недостатками в приказе подчеркивалась необходимость правильного использования саперных частей, укрепления боевого взаимодействия инженерных войск с другими родами.

Приказом вводилась должность заместителя командующего войсками фронта (армии) – начальника инженерных войск фронта (армии).

Военным советам фронтов и армий предписывалось привлекать начальников инженерных войск к разработке оперативных планов, требовать использования всех возможностей инженерных войск по их прямому назначению.

Приказ предписывал создать в 20-дневный срок 90 подготовленных саперных батальонов как резерв Главнокомандования. «Батальоны должны быть выделены из состава саперных бригад, обеспечены положенным имуществом и освобождены от работы на рубеже для формирования боевой подготовки, в первую очередь по подрывному делу и устройству заграждений», – требовал приказ.

Во всех военных округах восстанавливалась должность начальника инженерных войск, ликвидированная в начале войны. На них возлагалось руководство боевой подготовкой инженерных войск и инженерная подготовка всех родов войск округа.

По существу, приказ организационно завершал довоенное реформирование инженерных войск и впервые давал возможность создать их крупный резерв.

Определялась четкая структура инженерной службы в войсках сверху донизу. Это давало возможность централизованно решать все вопросы инженерного обеспечения боевой деятель-

---

⁴⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 5. – М., 1947. – С. 26–27.

ности войск, в том числе формирования, обучения, правильного использования и снабжения самих инженерных войск.

Инженерные войска стали действовать более организованно и эффективно. Но резкая диспропорция между возросшими потребностями в инженерных войсках и их фактической численностью и возможностями не позволяли инженерным войскам в полной мере решать вопросы инженерного обеспечения даже частных наступательных операций.

Неблагоприятная обстановка и превалирующее значение оборонительных задач не позволили сделать к зиме 1941 г. каких-либо крупных шагов в совершенствовании боевого использования инженерных войск в наступательных операциях. В этот период подверглись проверке лишь некоторые стороны предвоенных взглядов применения инженерных войск в наступлении и главным образом обеспечении маневренных действий, связанных с проведением контратак, контрударов и частных наступательных операций.

В ходе зимних наступательных операций 1941–1942 гг. войскам фронтов и армий приходилось вести боевые действия без должного усиления инженерными частями. Значительная часть инженерных войск находилась в составе саперных армий, которые в это время не прекращали работы по строительству тыловых оборонительных рубежей и своими основными силами в обеспечении контрнаступлений участия не принимали. Даже при развертывании общего наступления на западном направлении в январе 1942 г., когда были приложены максимальные усилия для сосредоточения сил и средств, Западный фронт, в составе которого было 9 армий, имел всего вместе с войсковыми саперами 88 инженерных и саперных батальонов, из которых лишь 8 были фронтовыми⁴⁵. При таком составе инженерных войск общевойсковые армии получили на усиление один и реже два инженерных батальона от фронта, действуя в широких полосах. Имея два армейских инженерных батальона, саперный батальон в каждой стрелковой дивизии и саперную роту в стрелковой бригаде, при недостаточном фронтовом усилении армии не были в состоянии создать высокую плотность инженерных войск на направлениях главных ударов.

Так, даже в 20-й армии при прорыве обороны на р. Лама в январе 1942 г., где осуществлялось решительное массирование сил и средств на участке прорыва, общая оперативная плотность в 20-километровой полосе наступления составляла одну инженерно-саперную роту на 1 км фронта, а на участке прорыва – до двух рот на 1 км фронта. Такая плотность инженерных войск при слабой инженерной подготовке родов войск не могла обеспечить выполнение инженерных задач в ходе наступления.

Несмотря на существенную нехватку инженерных сил и несовершенство их организационной структуры, в контрнаступлении под Москвой и в ходе общего наступления советских войск на западном направлении довольно полно определился комплекс мероприятий инженерного обеспечения наступления, наметились также основные тенденции боевого использования инженерных войск.

Особенности инженерного обеспечения определялись решительностью перехода от обороны к наступлению, поставившего инженерные войска перед необходимостью осуществлять мероприятия по подготовке на отступление, опыта в проведении которых они не имели. К тому же суровая многоснежная зима сковывала действия наших войск, вынуждала их наступать вдоль дорог, которые разрушались и минировались противником при отходе. Немцы сильно укрепляли населенные пункты. Темпы продвижения наших войск в этих условиях значительно замедлялись. Имея преимущество в подвижности, противник отрывался и на отдельных участках занимал заблаговременно подготовленные рубежи обороны и вынуждал советские войска идти на прорыв.

---

⁴⁵ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 14069. Д. 87. Л. 169.

Прорыв заблаговременно подготовленных противником рубежей обороны и укрепленных им населенных пунктов поставил перед инженерными войсками проблему возрождения опыта советско-финляндской войны по инженерному обеспечению штурма и прорыву, а также их непосредственному участию в штурмовых действиях. Действуя в составе штурмовых групп, саперы уничтожали отдельные мощные огневые точки противника, мешавшие своим огнем продвижению наших войск. В условиях борьбы с сильным и активным противником перед инженерными войсками возникла также и задача закрепления достигнутых рубежей.

Методы выполнения этих мероприятий в наступательных операциях зимой 1941–1942 гг. были еще достаточно примитивны. Они были обусловлены отсутствием у саперов опыта и слабым материально-техническим обеспечением. Недостатки в выполнении инженерных мероприятий прежде всего отрицательно сказались на темпах продвижения войск и на закреплении достигнутых рубежей.

Штурмовые группы для прорыва укрепленных позиций и даже районов обороны противника практически не готовились и пока не составляли основу боевых порядков частей первого эшелона. Соответственно, не было единого научно обоснованного и проверенного практикой комплекса теоретических взглядов на их организацию и действия.

И все же такие документы в действующей армии стали появляться. Один из первых документов, где определялась подготовка и действия штурмовых групп, относится к октябрю 1941 г. Это были указания командующего войсками 8-й армии по блокировке и овладению дзотом⁴⁶.

8-я армия вела оборонительные бои в районе Ораниенбаумского плацдарма, где в сентябре – октябре 1941 г. ее войсками был подготовлен ряд контрударов. Причем контрудары готовились в крайне ограниченные сроки, при недостатке сил и средств. Конечно, в их организации было немало недостатков, что явилось одной из причин неэффективности контрударов. Все это требовало глубокого анализа. В частности, опыт боев выдвигал задачу обучения войск умелому овладению огневыми сооружениями противника, что было важно при прорыве его оборонительных рубежей.

Полученные частями армии навыки и легли в основу для разработки указаний по блокировке и овладению дзотами противника. Опыт подготовки и практическая ценность такого рода документов нашли свое дальнейшее выражение и развитие. В середине декабря этого года Военный совет Ленинградского фронта подвел итоги ведения наступательных боев войсками 8-й и 55-й армий по преодолению укрепленной полосы противника. В подготовительный период перед наступлением на укрепленную полосу противника в числе других задач приказывалось тщательно прорабатывать на местности вопросы взаимодействия родов войск, а в ходе самого наступления для создания огневого превосходства над противником перед атакой его укрепленных позиций, а также в период атаки и боя в глубине использовать в полной мере огневые средства пехоты.

Указания имели ряд недостатков в силу ограниченного обобщения боевого опыта и коротких сроков их разработки. Но в самом главном – подходе к созданию, обучению и подготовке штурмовых групп, количество и состав которых могло определяться в основном числом и размерами объектов штурма, характером укрепленной полосы в целом, – подобные документы были, безусловно, полезны и необходимы войскам. Так, в августе 1943 г. Военный совет Ленинградского фронта принял методические указания по прорыву сильно укрепленной позиции противника, в которых обобщены все документы подобного характера. Безусловно, это был документ более высокого уровня, теоретически обобщающий опыт боевых действий по прорыву сильно укрепленных позиций противника. Но главным в указаниях было подробное опи-

---

⁴⁶ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 12. – М., 1950. – С. 8–11; Выпуск 8. – М. 1949. – С. 3–6, 27–34; Советская военная энциклопедия. М., 1976. – Т. 1. – С. 504; там же. – М., 1980. – Т. 8. – С. 541.

сание практических рекомендаций по подготовке и осуществлению прорыва сильно укрепленных позиций. Констатировалось, что прорыв сильно укрепленных позиций достигается путем последовательного овладения опорными пунктами противника. При этом основная задача по овладению опорными пунктами возлагалась на штурмовые группы.

Применялись штурмовые группы и в ходе контрнаступления и общего наступления под Москвой. Прежде всего это было связано с организацией обороны противника. Немцы создали систему отдельных опорных пунктов, узлов сопротивления и так называемых «ежей», основой гарнизона которых были танковые подразделения и части. Опорные пункты, как правило, оборудовались в населенных пунктах, особенно расположенных на узлах дорог. Противник создал сильные узлы сопротивления в районах Клин, Рогачев, Белый Раст, Красная Поляна, Крюково, Таруса, Алексин, Михайлов. Узлы сопротивления имели круговую оборону. Промежутки между ними прикрывались заграждениями и простреливались всеми видами огня. Во многих узлах в качестве огневых точек использовались окопанные землей танки. Подступы к опорным пунктам и узлам сопротивления прикрывались противотанковыми и противопехотными заграждениями.

Так, войска 16-й армии, перейдя в наступление 7 декабря 1941 г., встретили ожесточенное сопротивление противника в районе Крюково и Рождествено. 8-я гвардейская дивизия получила задачу совместно с 44-й кавалерийской стрелковой дивизией и 17-й стрелковой бригадой овладеть районом Крюково и захватить Крюково штурмом в ночь с 7 на 8 декабря. Противник освещал местность прожекторами. В системе заграждений противника имелись малозаметные препятствия, проволочные заграждения с подвешенными на них гранатами, противотанковые и противопехотные минные поля, фугасы и «сюрпризы».

Для прорыва обороны противника в каждом батальоне были сформированы по две штурмовые группы. В их состав были включены стрелки, саперы с подрывными средствами и химики с дымовыми шашками. Проходы в заграждениях устраивались специально созданными группами разграждения, а уничтожение окопанных танков противника возлагалось на штурмовые группы. При борьбе с танками личный состав штурмовых групп продвигался по ходам сообщения, отрытым в снегу. Подобравшись к танку, химики зажигали дымовые шашки и ослепляли экипаж танка, лишая или затрудняя его вести прицельный огонь. После этого саперы укладывали взрывчатое вещество (ВВ) и подрывали или сжигали танк. Ожесточенные бои шли всю ночь, а утром наши войска овладели Крюковым.

В ходе наступления при блокировке и уничтожении дзотов саперы применяли различные способы боевых действий. Практиковался подход к огневой точке с помощью сапы в снегу. Приблизившись к дзоту, саперы забрасывали его ручными гранатами и подрывали. Так было в 20-й армии. А в 16-й армии для этой цели группы саперов пробирались ночью через передний край обороны, подходили к огневым точкам с тыла и подрывали их. Для уничтожения противника, засевшего в прочных блиндажах, использовались группы саперов, которые продвигались на танках. Как только танки подходили к блиндажу, саперы спешивались и подползали к нему, а танки занимали позицию против входа и держали его под своим огнем. В это время саперы взбирались на крышу блиндажа и спускали в него через дымовую трубу противотанковую мину «ЯМ-5» или трофейный стандартный заряд в 3 кг. К взрывателю, вставленному в мину или заряд, привязывался шнур длиной до 25 м, за этот шнур саперы выдергивали чеку взрывателя. Заряд взрывался внутри блиндажа. Таким способом саперы 35-й и 64-й стрелковых бригад взорвали 11 блиндажей.

В целом главные усилия инженерных войск в битве под Москвой были направлены на активную борьбу или обеспечение борьбы других родов войск. В ходе боев в составе штурмовых групп или самостоятельно саперы уничтожали отдельные мощные огневые точки противника, мешавшие своим огнем продвижению наших войск. Однако действия штурмовых групп

носили примитивный характер и обнажили проблемы их организации, подготовки, взаимодействия и управления.

Следует заметить, что группы, создаваемые для прорыва сильно укрепленных позиций противника, назывались или блокировочными, или штурмовыми. Принципиальных отличий между ними нет. В обоих случаях это временное формирование, предназначенное для блокирования и уничтожения отдельных опорных пунктов, узлов сопротивления и долговременных огневых сооружений. Способ их действий в основном был одинаков. Вместе с тем название «штурмовая группа» в большей степени отвечало предназначению и характеру действий такого рода временных формирований как при прорыве сильно укрепленных позиций, так и при штурме городов.

Что же касается основного предмета исследования, то на этом этапе вопросы инженерного обеспечения штурма тяжелых огневых точек и прорыва укрепленной полосы в целом приходилось решать в основном силами войсковых саперов. Однако их подготовка и оснащение не соответствовали всей сложности решаемых задач и были значительно ниже армейских и РК инженерных частей. Вместе с тем следует отметить, что в боевых документах действующей армии конкретные задачи по подготовке и обеспечению штурмовых действий саперам и инженерным войскам определялись довольно редко. Стереотип «тылового войска», видимо, пока не позволял общевойсковым командирам в полной мере определить весь комплекс инженерных мероприятий в наступлении⁴⁷.

И все же опыт наступательных боев, операций и общего наступления под Москвой дал очередной толчок дальнейшему совершенствованию организационных форм инженерных войск и мероприятий инженерного обеспечения боевых действий частей Красной Армии. 1942 год характерен потребностью создания более маневренных и технически оснащенных формирований. В феврале принимается решение расформировать 5 саперных армий, а оставшиеся подчинить фронтам. К 1 октября 1942 г. были расформированы и остальные армии. Часть входивших в них формирований была передана фронтам, а другие выведены в резерв ВГК для формирования инженерно-саперных и инженерно-минных бригад.

В дальнейшем опыт использования инженерных частей в проведенных операциях показал, что специализированные инженерные соединения – типа бригады, – оснащенные необходимой техникой и вооружением, наиболее полно соответствовали современным оперативно-тактическим требованиям⁴⁸.

1942 год характерен изменениями в тактике оборонительного боя противника, обусловленными в основном наступательными действиями частей Красной Армии.

Противник при организации обороны широко использует особенности местности. Позиции в основном располагаются по естественным рубежам – вдоль рек с крутыми берегами, на господствующих высотах по линии болот и озер, в лесных массивах, – и привязываются к населенным пунктам. Местность перед передним краем хорошо просматривается и простреливается.

В целом же тактическая оборона немцев состоит из двух оборонительных полос общей глубиной 8–15 км. Первая полоса получила название «главное поле боя». Здесь сосредоточиваются основные силы обороны, и ее глубина с огневыми позициями артиллерии достигает 4–5 км. Вторая оборонительная полоса служит для создания глубины обороны и в первый период, как правило, войсками не занимается. Но иногда на ней располагаются резервы. В этом случае оно заранее приводится в боевую готовность.

⁴⁷ См.: Сборник тактических примеров по опыту Отечественной войны № 1. М., 1943. – С. 16–23, 32–34, 68–72; Советские инженерные войска (основные этапы развития и боевого применения). – М., 1959. С. 153–168; Инженерные войска в боях за Советскую Родину. – М., 1970. – С. 101–105; Битва под Москвой. – М., 1989. – С. 149, 183–184, 193–195, 201, 222–223, 231–232, 237, 240, 247, 260, 292–293; Битва под Москвой. – М., Военно-политическая академия. 1973. С. 81.

⁴⁸ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 84. Л. 147.

В случае преодоления «главного поля боя» оборона переносится на вторую полосу обороны.

Между полосами обороны строятся отдельные опорные пункты, обе полосы соединяются между собой отсечными (фланговыми) позициями.

Основу «главного поля боя» составляют ротные опорные пункты и батальонные узлы сопротивления. Пространство между опорными пунктами простреливается перекрестным огнем, прикрывается инженерными заграждениями и обязательно патрулируется. Случалось, что оборона противника строилась из сплошных траншей, прикрытых плотными заграждениями. Но и в этих случаях резко выделялись опорные пункты.

Что же касается населенных пунктов, то противник чаще всего устраивал их круговую оборону. Перед внешней границей населенного пункта, в удалении от него на 500–1000 м, устраивались полевые укрепления в виде блиндажей, дзотов, дотов, окопов для полевых войск, связанных между собой ходами сообщения, а также минные поля против пехоты и танков.

1942 год показал, что пока инженерному обеспечению наступательных действий, применению инженерных средств и инженерных войск в целом большого внимания не уделялось.

Так, одной из причин провала наступательной операции войск Юго-Западного фронта в мае 1942 г., оказавшего отрицательное влияние на ход военных событий этого года, было неправильное применение родов войск⁴⁹. Что же касается инженерных войск, то они не были полностью использованы. Инженерные средства на поле боя применялись в редких случаях. Ни в армиях, ни в дивизиях не было создано противотанковых резервов и отрядов заграждения, которыми можно было бы маневрировать, своевременно и надежно прикрывая танкоопасные направления. Инженерные войска действовали без взаимодействия с артиллерией и особенно танками. А их основная задача заключалась в организации и постройке переправ, ремонте и содержании дорог. В редких случаях отдельные подразделения саперов привлекались для создания инженерных заграждений. При отражении контрударов танков противника в полосе наступления северной ударной группировки инженерные войска, в силу их слабого применения, существенного влияния на исход боя не оказали.

Вместе с тем следует отметить, что во второй половине 1942 г. и в последующем в Красной Армии стало характерным создание и применение довольно большого количества штурмовых групп и отрядов с обязательным включением в их состав саперов. Практика войны формировала то, что ранее казалось неактуальным. Применительно к конкретным условиям отработывалась структура штурмовых групп, закладывалась система инженерного обеспечения штурмовых действий, устранялись недостатки в их применении.

Вместе с тем одним из недостатков оставался не совсем правильный взгляд на использование штурмовых групп, организуемых в период наступательных боев. Это выражалось в том, что выделенные штурмовые группы вели наступление сами по себе. Стрелковые части, помимо выделенных штурмовых групп, участия в наступлении не принимали.

Так, на Северо-Западном фронте в сентябре 1942 г. войска фронта продолжали наступательные бои по окружению демянской группировки противника. Попытки 11-й и 1-й ударной армий закрыть в районе рек Ловать и Робея (северо-западнее Демянска) горловину так называемого демянского мешка успеха не имели. Опыт боевых действий показал неправильное использование штурмовых групп⁵⁰.

Неправильное использование штурмовых групп прежде всего выразилось в том, что они вели наступление сами по себе. Пехота, помимо выделенных штурмовых групп, в наступлении участия не принимала.

---

⁴⁹ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 5. 1951. – С. 88–89.

⁵⁰ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 2. М., 1947. – С. 83–86; Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. – М., 1985. С. 265.

Вместе с тем штурмовые группы наступали недостаточно энергично. Противник успел привести в действие свои огневые средства и нанес штурмовым группам ощутимые потери. К тому же состав и вооружение штурмовых групп оставляли желать лучшего. Мало было артиллерии, противотанковых ружей, саперов, огнеметчиков, вообще не было танков. Действия штурмовых групп не получили огневой поддержки как пехоты, так и артиллерии. Слабым было взаимодействие внутри самих групп. Практика показала, что в состав штурмовых групп должны включаться лучшие, наиболее стойкие бойцы.

Следует заметить, что эти недостатки были характерны для действий и применения большинства штурмовых групп. Что же касается применения в них инженерных войск, то до создания шисбр в штурмовые группы и отряды включались в основном подразделения из обычных войсковых саперных частей, не имевших должной подготовки и оснащения.

На практике штурмовые группы, по существу, представляли собой стрелковые подразделения. Чаще всего штурмовым группам ставились задачи ведения самостоятельного наступления. Но при небольшом численном составе и без поддержки они, естественно, не могли включиться в оборонительную полосу противника и выполнить задачи по захвату определенных рубежей.

Опыт показал, что задача штурмовых групп заключалась в уничтожении отдельных опорных пунктов, дотов и дзотов, преодолении деревоземляных валов и завалов, других сооружений, мешающих продвижению стрелковых частей. В этом случае стрелковым подразделениям предстояло двигаться в непосредственной близости за штурмовыми группами и всячески развивать их успех. Однако на практике такое было не всегда.

Следует подчеркнуть, что в этот период определился сам подход к формированию и составу штурмовых групп и отрядов, сложился порядок их применения без специализированных инженерно-саперных подразделений⁵¹.

Штурмовые группы (отряды) создавались исходя из задач и, как правило, состояли из хорошо подготовленного личного состава. Первоначально они включали в себя пехоту, автоматчиков, отдельные орудия для стрельбы прямой наводкой по дотатам, дзотам, валам и прочим укреплениям противника, ПТР, огнеметчиков, саперов, иногда танки. Основу штурмовой группы (отряда) составляла пехота численностью от взвода до роты. Из этой численности отдельно выделялись отделение или взвод автоматчиков. В состав штурмовой группы также включались одно-два 45-мм или 76-мм орудия, два-три ПТР, отделение химиков с ранцевыми огнеметами, отделение или взвод саперов с зарядами ВВ, два-три танка при возможности.

Состав штурмовых групп и их количество в батальоне изменялись в зависимости от задачи, обстановки и характера обороны. Но на этом этапе состав и численность штурмовых групп главным образом зависели от возможностей стрелкового батальона.

Батальон, боевая численность которого не превышала 150–200 человек, как правило, выделял одну штурмовую группу. Если численный состав батальона позволял, то штурмовая группа создавалась в каждой стрелковой роте. При создании же штурмового отряда он, в свою очередь, делился на группы.

Практический опыт штурма укрепленной полосы противника находил свое отражение в обобщенных руководящих документах того периода. Наиболее ценными для предмета нашего исследования являются указания Военного совета Волховского фронта по прорыву укрепленной полосы противника⁵².

⁵¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 1. М., 1947. – С. 31–35; Выпуск 2. М., 1947. – С. 3–35, 83–86; Выпуск 3. – М., 1947. – С. 33–36; Выпуск 8. М., 1949. – С. 27–34; Выпуск 11. – М., 1950. – С. 90–91; Выпуск 17. М., 1952. – С. 6–20; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 9. – М., 1953. – С. 33–36, 63–68; Сборник тактических примеров по опыту Отечественной войны № 1. – М., 1943. – С. 34–37, 46–64.

⁵² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 2. М., 1947. – С. 3–35.

Они были разработаны накануне наступления, когда войскам фронта в начале 1943 г. предстояло прорвать блокаду Ленинграда. Пожалуй, впервые наиболее подробно и скрупулезно определялись способ прорыва укрепленной полосы, действия родов войск и штурмовых групп. И, что очень важно для нашего исследования, наконец-то нашли свое подробное описание задачи инженерного обеспечения прорыва.

Определяя способ прорыва войсками фронта укрепленной полосы противника, подчеркивалось, что прорыв достигается овладением опорными пунктами и узлами обороны на переднем крае и затем в глубине на избранных для удара направлениях. При недостаточных средствах прорыва его следует осуществлять путем последовательного овладения опорными пунктами и узлами обороны, а затем в глубине с перерастанием этих последовательных ударов в наступление для выхода на свободное для маневра пространство.

Указаниями предписывалось, что успех на переднем крае необходимо развивать без задержки в глубину для захвата или изоляции последующих опорных пунктов, отражая встречным ударом контратаки противника.

Организованность, безотказное управление, хорошая разведка оборонительной полосы противника, взаимодействие всех родов войск, их специальная тренировка определялись как слагаемые успеха операции (боя) по прорыву укрепленной полосы.

Согласно указаниям, задачи инженерным войскам следовало ставить заблаговременно, чтобы они могли подготовиться к их выполнению и решить вопросы материального обеспечения.

Констатировалось, что при наступлении на сильно укрепившегося противника на инженерные войска выпадает большое количество ответственных и сложных задач, что требует экономии их сил. Поэтому распылять силы и средства инженерных частей нельзя, а наоборот, необходимо стремиться к их компактному и нацеленному использованию под руководством инженерных начальников и командиров.

По указаниям инженерные силы и средства армии при наступлении должны распределяться в три эшелона.

Первый саперный эшелон движется впереди стрелковых батальонов, обеспечивает атаку и штурм первой оборонительной позиции, а также продвижение в бою пехоты и танков. Этот эшелон образует батальонные отряды штурма и разграждения, каждый из которых состоит из групп инженерной разведки, разграждения и штурма.

Группа разведки состояла из трех отделений инженерной разведки, трех химиков-разведчиков. Сюда подбирались саперы, имеющие опыт поиска и обезвреживания мин. Командовал группой командир саперного взвода.

Группа разграждения по существу представляла собой саперный взвод, усиленный отделениями дымопуска и огнеметания.

Группой штурма должен руководить командир саперного взвода или стрелковой роты. Она включала в себя три саперных взвода, отделение огнеметчиков, артиллерийских наблюдателей, стрелковый взвод, танки, орудия противотанковой обороны.

В зависимости от обстановки отряд действует или в полном составе, или делится для действий со стрелковыми ротами.

Впереди идет инженерная разведка, выявляет минные поля, противотанковые и противопехотные заграждения, проделывая в них проходы для группы разграждения и штурма. При наличии времени и благоприятных обстоятельств производится полное разграждение проходов для атакующей пехоты. За инженерной разведкой следует группа разграждения, основная задача которой – устранить все выявленные препятствия, вести дополнительную разведку и блокировку огневых сооружений противника, мешающих продвижению пехоты.

За группой разграждения следует штурмовая группа, усиленная пехотой и, если возможно, танками. На штурмовую группу возлагается атака переднего края обороны противника. И уже затем идут боевые порядки пехоты.

Указания требовали, чтобы действия штурмовых отрядов были стремительными и настойчивыми – вперед и только вперед, выводя за собой пехоту и танки.

Указания определяли, что дивизиям, действующим на главном направлении, в зависимости от характера местности и мощных укреплений противника придаются один или два инженерных батальона. При недостатке дивизионных и армейских саперов задачи штурмовых отрядов возлагаются на стрелковые батальоны.

Кроме штатного вооружения, указаниями предусматривалось иметь в отрядах штурма и разграждения дополнительные средства. Руководство отрядом поручалось командиру саперной роты.

Второй саперный эшелон составляют инженерные части, предназначенные для сопровождения танков, артиллерии и минометов, а также для устройства колонных путей и дорог. Состав и численность этих инженерных частей зависит в основном от местности данного направления.

Инженерные части второго эшелона образуют дорожно-мостовой отряд. Во второй эшелон инженерных частей входит дорожно-мостовой отряд, один на стрелковую дивизию в составе от двух рот до двух батальонов. К второму эшелону также относится подвижной отряд заграждения и разграждения в составе одной-двух саперных рот. Указаниями определялось иметь на стрелковую дивизию один отряд с резервом средств заграждения на автомашинах или санях.

Для пополнения первого и второго эшелона саперов в последнем необходимо было иметь группу материального обеспечения и резерва.

До получения задачи второй эшелон находится в боевых порядках резерва командира дивизии.

Третий армейский эшелон саперов составляют инженерные части резерва и специального назначения (закрепления захваченного рубежа, заграждения фланга и другие). Действия этого эшелона планируются начальником инженерных войск армии.

В составе этого эшелона организовывались специальные отряды разграждения. Они предназначались для действий против отдельных мощных укреплений, устройства проходов в мощных заграждениях и сопровождения мотомеханизированных частей.

Из указаний можно сделать вывод, что состав, боевое построение, вооружение и численность отрядов штурма и разграждения имели принципиально важное значение. Последующая практика также это подтвердила.

И все же такой подход к составу и применению отрядов штурма и разграждения на практике не нашел широкого применения, в том числе и на этом фронте.

Согласно указаниям штурмовые группы, абсолютное большинство которых составляли саперы, имели задачи атаковать передний край обороны и уничтожать блокированные сооружения. По существу, саперы должны были выполнять функции пехоты.

В дальнейшем, при сходных задачах, большинство в штурмовых группах (отрядах) составляли стрелковые подразделения, и командовали ими пехотные командиры. Саперы выполняли лишь задачи инженерного обеспечения штурма. Деятельность штурмовых групп или отрядов такого состава была более полезной и эффективной.

Успешное проведение Сталинградской битвы позволило советским войскам провести ряд наступательных операций, в ходе которых выявилась необходимость разгрома противника в заранее подготовленных укрепленных районах и населенных пунктах. Это явилось одним из важных факторов, обусловивших впоследствии необходимость создания специальных частей и подразделений – а именно: штурмовых инженерно-саперных.

Борьба за крупные населенные пункты (города) имела ряд особенностей и сложностей для атакующего. Прежде всего, это связано с организацией обороны противника, а также с характеристиками населенного пункта, состоянием зданий и сооружений в нем.

К маю 1943 г. части Красной Армии накопили определенные навыки ведения боевых действий в крупных населенных пунктах. Бои за Калинин, Клин, Юхнов, Калугу, Ростов-на-Дону, Тихвин, Сталинград, Шлиссельбург и другие дали достаточно много ярких и весьма поучительных примеров боевых действий, обогатив практику их ведения современным и необходимым опытом.

Организация обороны населенных пунктов могла осуществляться в самые короткие сроки и, как правило, не требовала больших затрат сил и средств. Они являлись довольно сильным препятствием для наступающих. Обход населенных пунктов был зачастую сопряжен с большими трудностями, в то же время их оставление в тылу своих войск отвлекало много сил и средств на блокаду, а также создавало угрозу тылам и коммуникациям. Собственно, бой за населенный пункт делился на два периода. Борьба за подступы к населенному пункту и его окраины составляет первый период, который должен закончиться их захватом. Второй – это боевые действия внутри населенного пункта.

В ходе боевых действий выявилось, что небольшие и слабо укрепленные населенные пункты, занятые в результате поспешного отступления, лучше всего атаковать с ходу, чтобы не дать противнику возможности закрепиться и организовать оборону. Организация же и проведение штурма крупного и заблаговременно подготовленного к обороне населенного пункта требовали несколько другого подхода. В этой ситуации наступательные действия состояли из ряда последовательных, тщательно подготовленных атак по захвату отдельных очагов обороны. Как правило, это те же самые, с устойчивой огневой связью, опорные пункты и узлы сопротивления, под которые были оборудованы очень прочные дома, строения, склады, башни и другие сооружения.

К характерным особенностям боя внутри населенного пункта следует отнести ограничение и стесненность обзора и обстрела, сложность управления войсками, небольшие возможности маневра.

Части и подразделения советских войск, выделяемые для атаки отдельных опорных пунктов внутри города, организовывали штурмовые группы. Они состояли из пехоты, чаще всего не больше взвода, саперов с подрывными средствами, отдельных орудий, пулеметов, огнеметов, одного-двух танков, как правило, тяжелых. Бойцы штурмовых групп перед атакой получали достаточное количество ручных гранат, бутылок с горючей смесью и противотанковых гранат. Если в полевых условиях основную задачу штурмовых групп составляет блокировка и ликвидация огневых точек, то в условиях наступательного боя внутри населенного пункта штурмовые группы для успешного продвижения должны были не только уничтожить опорный пункт, дот или дзот, но и превратить их в свой опорный пункт. В свою очередь, эти опорные пункты были необходимы как средства закрепления на достигнутом рубеже и надежные места накопления сил для нового штурмового броска. Этим определялся большой удельный вес саперов в составе штурмовых групп.

Саперы имели весьма сложные и разнообразные задачи – от разведки и уничтожения заграждений, разминирования минных полей, обнаружения и обезвреживания сюрпризов-ловушек до наземно-минной атаки и строительства сложных инженерных сооружений для укрепления захваченных очагов обороны.

Само наступление на крупный населенный пункт велось, как правило, по выгодным подступам: через сады, огороды, дворы, проломы в стенах домов, по подземным ходам и туннелям. Для стрельбы прямой наводкой по амбразурам огневых точек, противотанковым пушкам применялась артиллерия всех калибров. В ближнем бою большую эффективность давало при-

менение противотанковых и ручных гранат. Для поддержки штурмовых групп использовались станковые и ручные пулеметы.

Управление боем осуществлялось в основном при помощи радио, световых сигналов и живой связи. Организовать устойчивую проводную связь в условиях городского боя было сложно.

Необходимость пересмотра организационно-штатной структуры, вооружения и технического обеспечения инженерных войск, привлекаемых к ведению боевых действий в крупных населенных пунктах и укрепленных районах, особо выявилась во второй половине 1942 г. Наиболее характерными в этом отношении явились боевые действия в городах Сталинграде и Шлиссельбурге.

Сталинград на этот период представлял собой, пожалуй, самый большой город, в котором частям Красной Армии пришлось вести боевые действия. Как крупный промышленный центр город имел множество производственных зданий, которые довольно легко оборудовались под мощные очаги обороны. К тому же именно в Сталинграде создание и применение штурмовых групп носило массовый характер, определив их в дальнейшем как главное звено уличного боя. Действия штурмовых групп дали ответы на основные вопросы организации и проведения ближнего боя небольшими подразделениями в условиях борьбы в крупном, заблаговременно подготовленном к обороне городе. Это относилось и к инженерному обеспечению боевых действий штурмовых групп. Опыт был важен еще и тем, что в дальнейшем нашим частям пришлось вести много боев в крупных населенных пунктах.

К 12 декабря 1942 г. противник частями 79-й пехотной дивизии вклинился в оборону 39-й гвардейской стрелковой дивизии и стремился выйти к берегу р. Волги.

В составе немецкой дивизии действовали два пехотных полка и один саперный батальон. Занимая высоты 107,5 и 102,0, противник имел хорошее наблюдение, так как местность от высот постепенно понижалась к берегу р. Волги. Высоты позволили немцам организовать укрытые позиции для артиллерии и минометов. Городские постройки большей частью были разрушены и представляли собой груды золы, камней и лома. Стены уцелевших зданий приспособлялись противником для обороны. Овраги в районе высоты 107,5 использовались как скрытые подступы и укрытия от артиллерийского и минометного огня. Занятая противником часть территории завода «Красный Октябрь» была загромождена шлаком, металлом, станками, другими предметами, легко приспособляемыми к обороне и для укрытия огневых средств и живой силы. Здесь немцы организовали узел сопротивления, чтобы затем с опорой на него выполнить свою задачу.

39-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 120-го, 117-го и 112-го гвардейских стрелковых полков обороняла оставшуюся в наших руках часть завода. Получив задачу овладеть высотой 107,5, дивизия имела на направлении наступления мощный узел сопротивления на территории завода. Поэтому командир дивизии определил ликвидацию этого узла как ближайшую задачу. Уничтожение узла планировалось произвести путем последовательных атак отдельных опорных пунктов. И лишь после успешного завершения ближайшей задачи решено было приступить к овладению высотой 107,5.

Один из опорных пунктов противник оборудовал в цехе «Лоц», куда вошли и прилегающие к нему здания. Каменный корпус цеха длиной около 200 м и шириной 70 м был полуразрушен бомбами и артиллерийским огнем. Цех имел железобетонный подвал, а сама внутренняя площадь здания загромождена заводским оборудованием и разным металлом. С трех сторон цех прикрывался проволочными заграждениями, а подходы с юго-востока прикрывались минным полем. Гарнизон опорного пункта имел 7 пулеметов, 4 ротных и 2 батальонных миномета и состоял из 83 солдат и офицеров, вооруженных автоматами, гранатами и винтовками. Из районов высот и западной окраины Сталинграда опорный пункт поддерживался артиллерией. Задача по захвату опорного пункта возлагалась на 3-й батальон 112-го гвардейского стрелко-

вого полка, расположенного как раз напротив этого очага обороны. Командир батальона принял решение захватить пункт двумя штурмовыми группами численностью 20 человек каждая.

В ночь на 12 декабря командир батальона решил провести разведку боем. Группа разведчиков из шести человек, преодолев проволочные заграждения, скрытно подошла к цеху. Забросав северо-западный угол цеха гранатами, разведчики захватили пленного. Они отправили его в расположение батальона, а сами остались в цехе. Оправившись от дерзкого налета, противник открыл по группе сосредоточенный прицельный огонь. До утра следующего дня разведчики с помощью гранат отбивались от противника. Подкрепления из батальона не смогли пробиться к разведчикам. До восьми вечера группа отбила три атаки, а к 21.00 ее забросали гранатами. В подразделение вернулся лишь один раненый боец. Разведчики свою задачу выполнили, но удержаться в опорном пункте не смогли. Их упорные и решительные действия так и не были поддержаны столь же решительными действиями со стороны командира батальона.

Получив данные от вернувшегося разведчика и пленного солдата, командир батальона решил провести атаку опорного пункта в четыре часа утра 15 декабря. За полчаса до штурма вся артиллерия по приказу командира дивизии открыла огонь по обороне противника. Штурмовые группы по одному-два человека ползком и короткими перебежками выходили на исходное положение для атаки. Саперы незаметно и бесшумно смогли проделать два прохода, через которые в назначенное для штурма время по сигналу двух зеленых ракет обе штурмовые группы поднялись в атаку. Забросав цех гранатами, они ворвались в здание. Весь день до десяти часов вечера шел упорный бой. Противник из механического цеха дважды безуспешно атаковал группы. Исход боя решил высланный на помощь резерв. К 23.00 штурмующие полностью захватили цех «Лоц». При небольших потерях с нашей стороны противник оставил на поле боя ранеными и убитыми 50 солдат и офицеров, 3 захвачены в плен, трофеи составили 4 пулемета, 2 миномета и около 60 винтовок.

Успех атаки опорного пункта объясняется тщательностью рекогносцировки и заблаговременной подготовкой штурмовых групп. Вместе с тем в этом конкретном бою были общие ошибки. Прежде всего это относится к организации разведки, включая инженерную. Командир батальона не только не оказал помощи разведчикам, но и не проявил в этом важном вопросе инициативы и гибкости. Участие саперов в штурме ограничилось лишь подготовкой проходов в заграждениях противника. Однако их действия были бы весьма полезны и необходимы при уничтожении огневых точек и закреплении. Хотя в данной обстановке было ясно, что прочное закрепление и удержание цеха «Лоц» зависит и оттого, насколько умело будут использованы захваченные заграждения и сооружения противника. Что вообще не было сделано. Кроме того, для организации мощного огня в сторону склада готовой продукции, цехов № 1 и механического необходимо было создать дополнительные сооружения.

Следующий опорный пункт включал в себя склад готовой продукции и четыре отдельных дома. Склад представлял собой каменное здание длиной 140 м и шириной около 40 м. Часть стен была бетонирована. Противник оборудовал в здании 5 блиндажей с бойницами. Западнее и северо-западнее склада находились четыре каменных дома. Между домами противник оборудовал три блиндажа, а перед домами были устроены окопы, ходами сообщения соединенные с блиндажами и складом. Опорный пункт обороняли 45 человек, имея на вооружении 5 станковых пулеметов, автоматы и винтовки. Командир 112-го гвардейского стрелкового полка поставил задачу атаковать каменные дома 7-й стрелковой роте численностью около 50 человек. Сборная штурмовая группа должна атаковать склад готовой продукции, и отдельная штурмовая группа численностью 8 человек – действовать в направлении обоих цехов с целью отвлечения внимания противника. Для подрыва стены склада выделялась группа из 6 саперов. Из состава роты выделялись две штурмовые группы по 8 человек каждая, вооруженные автоматами и ручными гранатами. Кроме этого, выделялась группа закрепления из 20 человек, включая 2 саперов. Из вооружения в группе был один станковый и два ручных пулемета,

три противотанковых ружья, два 50-мм миномета. Резерв состоял из оставшейся части роты в количестве 14 человек. Сборная штурмовая группа полка состояла из 6 человек штурмующей подгруппы, подгруппы закрепления в количестве 12 человек и 7 человек резерва. Подгруппа закрепления имела один станковый и два ручных пулемета, два огнемета и столько же минометов. На подготовку отводилось более суток, с командирами групп была проведена рекогносцировка, установлены сигналы взаимодействия с поддерживающими огневыми средствами.

25 декабря в 3.15 утра по сигналу была подорвана стена склада. Штурм начался атаками всех штурмовых групп. Сборная группа начала свои действия из цеха «Лоц», отдельная – в направлении механического цеха. 7-й роте удалось захватить два дома. Закрепив их за собой, личный состав роты вел бой за третий. Сборная штурмовая группа, удачно ворвавшись в склад через проделанный саперами пролом в стене, вела бой гранатами внутри здания. В ход были пущены огнеметы, термитные шары, ротные минометы.

Малочисленная отдельная группа вопреки ожиданиям командира роты действовала весьма успешно. Захватив трансформаторную будку, группа своим огнем закрыла вход в механический цех. Решив поддержать успех группы, командир полка с целью дальнейшего развития боя в районе этого цеха направил туда весь резерв 7-й роты через цех «Лоц».

В это время сборной штурмовой группе удалось в складе готовой продукции уничтожить большую часть гарнизона. Это удалось сделать благодаря взаимодействию внутри штурмовой группы. После того как ей удалось захватить часть склада, по сигналу ракет быстро подошла группа закрепления, открыв мощный огонь по противнику. Его остатки, бросая оружие, ходами сообщения устремились в контору и дальше в панике бежали вдоль полотна железной дороги. Командир штурмовой группы принял самостоятельное решение продвигаться в сторону конторы, склада утиля и кузнечного цеха. Дальнейшее развитие событий показало правильность такого выбора. Смелые и решительные действия командира и бойцов группы привели к захвату указанных выше зданий и сооружений.

Действия штурмовых групп в этом случае наглядно показывают, что успех боя штурмовых групп был обеспечен исключительной решительностью, быстротой действий, дерзостью и разумной инициативой командиров небольших штурмовых подразделений. Взаимодействия внутри штурмовых групп играли решающую роль.

Ликвидация опорного пункта в школе № 5 не предполагала особых трудностей, но это только на первый взгляд. Сама школа представляла собой двухэтажное каменное здание с подвалом длиной 60 м и шириной 30 м. В довольно вместительном подвале могло разместиться около 50 человек. Подступы к школе прикрывались проволочными заграждениями в два-три ряда.

Гарнизон опорного пункта состоял из 115 солдат и офицеров. Из района казарм велся минометный огонь. Боем и наблюдением было обнаружено 6 станковых пулеметов. Задача по ликвидации опорного пункта возлагалась на первый батальон 120-го гвардейского стрелкового полка. Было принято решение овладеть зданием школы ударом двух штурмовых групп с западной и восточной сторон, предварительно подавив огневые точки. Подготовкой атаки опорного пункта занималось и командование дивизии. По его приказу действия штурмовых групп полка поддерживались справа огнем 34-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии, а слева – огнем третьего батальона 120-го гвардейского стрелкового полка, наступающего в направлении казарм.

На подготовку отводилось двое суток. Командир батальона организовал дополнительную разведку, отработку вопросов взаимодействия с огневыми средствами батальона и соседей.

После 20-минутной артиллерийской подготовки 29 декабря штурмовые группы с исходных рубежей начали атаку. Восточная штурмовая группа численностью 25 человек с двумя ручными и одним станковым пулеметами, двумя противотанковыми ружьями, одной 45-мм пушкой и огнеметом, пробираясь между домами, подошла к проволочным заграждениям

восточнее школьного огорода. В этом месте саперами уже были подготовлены два прохода. Два бойца, незаметно подкравшись к дзоту, несколькими противотанковыми гранатами взорвали ее. Одновременно двое других уничтожили двух немцев в ходе сообщения и северо-восточнее угла школы, броском гранат подняли на воздух блиндаж. Своими обломками блиндаж придавил 19 немецких солдат. Удачные и быстрые действия штурмовиков открыли путь подгруппе закрепления. Ее бойцы, проникнув в здание школы через разрушенный блиндаж, завязали бой с противником.

В это время западная штурмовая группа из 19 человек, укрываясь за отдельными строениями западнее школы, выбила из двух окопов противника и подошла к трансформаторной будке. Уничтожив в ней станковый пулемет, штурмующие проникли в школу с северо-западного угла здания. Обе штурмовые группы почти одновременно соединились в северной части здания. Перебив несколько десятков солдат противника, вынудили оставшихся около 40 человек укрыться в подвале. Предложение о сдаче немцы отвергли. Командир полка приказал применить огнеметы и выжечь противника. Группа огнеметчиков с двумя огнеметами взорвала противотанковой гранатой вход в подвал и направленной струей огня выполнила приказ.

Было захвачено 5 пленных, 6 пулеметов, 11 автоматов и несколько десятков винтовок. Убитыми и ранеными противник потерял 80 солдат и офицеров. С нашей стороны был один убитый и двое раненых.

Теперь о штурме Шлиссельбурга, одной из блестящих страниц действий войск Ленинградского фронта. Этот небольшой город с военной точки зрения представлял собой серьезное препятствие. Река Нева и Ладожское озеро создавали весьма большие трудности для штурма, превращая город в крепость.

Организация и осуществление штурма Шлиссельбурга представляли ценный практический опыт, так как в дальнейшем нашим войскам довольно часто приходилось вести штурмовые действия в аналогичных условиях.

Стороны разделяла замерзшая Нева шириной 600–700 м. Крутые высокие берега доходили до 12–14 м, были изрезаны рвами и большей частью покрыты лесом.

86-я стрелковая дивизия, действовавшая на левом фланге первого эшелона 67-й армии, получила задачу форсировать Неву, прорвать оборону противника, блокировать Шлиссельбург и уничтожить его гарнизон.

Разведка, наблюдение и аэрофотосъемка показали, что оборона противника проходила непосредственно по левому берегу реки. Вдоль берега шли две траншеи, соединенные между собой ходами сообщения. Расстояние между траншеями составляло от 100 до 200 м. Сам город Шлиссельбург стоял на высоком месте у входа из Ладоги в Неву и представлял собой узел сопротивления с приспособленными для обороны городскими сооружениями.

Перед фронтом дивизии противник оборонялся четырьмя пехотными батальонами, которые и составляли гарнизон Шлиссельбурга.

Для обеспечения штурма Шлиссельбурга 86-я стрелковая дивизия усиливалась 548-м отдельным танковым батальоном, 144-м и 175-м минометными полками, 871-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком, отдельными артиллерийским и минометным дивизионами 55-й отдельной стрелковой бригады, 7-м и 8-м инженерными батальонами.

Дивизия вступила в бой при превосходстве над противником в живой силе в два с половиной раза, по станковым пулеметам – в три раза, по автоматическому оружию – в пять раз и во столько же раз по противотанковым средствам.

Подготовка к прорыву началась в первых числах января 1943 г. и осуществлялась скрытно.

В период подготовки особое внимание уделялось отработке различных способов овладения сильно укрепленным пунктом. Были подготовлены специальные батальоны для действия в ночных условиях.

На основании подробного изучения плана города, данных всех видов разведки о характере и состоянии оборонительных сооружений весь город был разбит на кварталы, обозначенные буквами алфавита и цифрами.

В подготовительный период были проделаны значительные работы по инженерной подготовке плацдарма для наступления частей. В районе исходного положения была оборудована система траншей с учетом сосредоточения в них до двух полков пехоты с материальной частью. Для укрытия личного состава и техники были оборудованы специальные щели. От воздушного и наземного наблюдения все инженерные работы были тщательно замаскированы. Маскировка периодически проверялась аэрофотографированием.

Были точно установлены и доведены до войск сигналы начала артиллерийской подготовки, выхода штурмовых групп и основных сил на лед. Наступление началось утром 12 января 1943 г.

К шести часам утра 12 января войска, соблюдая строжайшую маскировку, сосредоточились в указанных районах. В 9.30 началась артиллерийская подготовка. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня подразделения 169-го и 330-го стрелковых полков заняли передовую траншею в качестве исходного положения для наступления. В 11.45 на лед вышли штурмовые группы, а следом за ними на расстоянии в 150–200 м вышли и основные силы полков.

Двухчасовая артиллерийская подготовка дала мало практических результатов. Артиллеристы, опасаясь разбить лед у левого берега Невы и тем самым затруднить движение танков и основных сил пехоты по льду, вели огонь в глубине обороны противника. Однако огневые средства противника в основном были сосредоточены на переднем крае. В силу этого огневые точки противника в большинстве своем не были уничтожены. В результате этого штурмовые группы, а за ними и передовые подразделения 169-го и 330-го стрелкового полка, дойдя до середины реки, попали под сильный пулеметный и минометный огонь противника. Штурмующие понесли значительные потери. Часть бойцов отошла назад, а остальные небольшими группами зацепились за левый берег и вели с противником гранатный бой. Связи с группами не было, и наступление дивизии фактически было приостановлено. Наибольшие потери понесли подразделения 330-го стрелкового полка и сравнительно меньше – 169-го стрелкового полка.

330-й стрелковый полк в результате больших потерь утратил боеспособность. К исходу дня для приведения в порядок он был отведен за линию вторых эшелонов. Из оставшейся части полка были сформированы два батальона. Командир дивизии принял решение ввести в бой свой резерв – 284-й стрелковый полк с задачей выйти на левый берег Невы и наступать левее 169-го стрелкового полка в направлении на отм. 12, 6.

13 января 284-й стрелковый полк вышел на опушку леса левее 169-го стрелкового полка. В этот же день переформированный 330-й стрелковый полк перешел Неву и начал успешное наступление в сторону нефтяного склада. 15 января командиру дивизии в подчинение были переданы 34-я отдельная лыжная бригада и бронеполк 61-й отдельной легкой танковой бригады.

16 января к часу дня 330-й стрелковый полк вышел на южную окраину Шлиссельбурга. Полк получил в свои руки командную высоту, откуда хорошо просматривался и простреливался весь город. Быстро подготовив блокировочные группы в составе саперов и автоматчиков с противотанковыми ружьями, 330-й стрелковый полк перешел к непосредственному штурму города и к исходу занял юго-западные кварталы города.

В образовавшийся разрыв между 284-м и 330-м стрелковыми полками в бой была введена 34-я отдельная лыжная бригада с восемью бронемашинами 61-й танковой бригады с задачей обойти город с востока и блокировать его.

Для дезориентации противника и маскировки боевых порядков частей дивизии командир дивизии применил маскирующие дымы. План дымопуска предусматривал реализацию

трех основных задач: создание отсечно-ослепляющих, отсечно-маскирующих и ложных маскирующих дымов. Было организовано и успешно реализовано четыре рубежа дымопуска, сыгравших свою положительную роль.

Дымопуск производился перед концом артиллерийской обработки переднего края обороны противника, после чего под прикрытием отсечно-ослепляющих и отсечно-маскирующих дымов части дивизии перешли в атаку.

Блокировочные группы 330-го стрелкового полка с приданными девятью бронемашинами 61-й отдельной противотанковой бригады продолжали наступление и занимали один квартал за другим. При этом противник оказывал сильное сопротивление и силой до роты безуспешно атаковал подразделения 330-го стрелкового полка.

18 января с утра дивизия, включая и приданные части, перешла в наступление. Первый успех достался на долю 34-й отдельной лыжной бригады. К 11.00 бригада третьим батальоном вышла к отдельному дому, что северо-западнее отметки 9,2 на 200 м, а первым – к Староладожскому каналу. Вслед за бригадой начали успешно продвигаться 169-й и 284-й стрелковые полки. Наконец-то, прорвав оборону противника и уничтожив отдельные очаги сопротивления, они вышли на западную опушку леса между каналом и железной дорогой. Третий батальон 284-го стрелкового полка продолжал наступление вдоль канала и к исходу дня встретился с частями Волховского фронта. К двум часам дня 330-й стрелковый полк полностью овладел Шлиссельбургом.

Блокада Ленинграда была прорвана. Действия штурмовых групп в Сталинграде, равно как и в целом штурм Шлиссельбурга, показали, что бой внутри населенного пункта практически распадался на ряд отдельных местных столкновений. Исход боя довольно часто решали самостоятельные инициативные действия подразделений, причем даже небольших.

Как главное звено боя в городе действия штурмовых групп, при хорошей подготовке, достаточной обеспеченности огнем артиллерии и минометов и четкой организации взаимодействия дают положительные результаты при небольших потерях. Необходимыми условиями их успеха выступали обязательное проведение разведки, рекогносцировки, организация взаимодействия во время боя и тщательная подготовка личного состава штурмовых групп. Обязательным является предварительное подавление выявленных огневых точек противника.

Практика применения штурмовых групп показала на необходимость и полезность их подразделения на подгруппы: штурмующие, закрепления и резерв. Численный состав группы определялся в зависимости от величины и характера объекта штурма. Штурмующие группы должны были первыми врываться на атакуемый объект и вести бой дерзко, решительно и смело, действуя главным образом гранатой и автоматом. Полезно было иметь нож и лопату. Причем выбор способа штурма объекта всякий раз определялся условиями обстановки.

Группы закрепления должны были устремляться вслед за штурмующими, развивая их успех и имея задачу занять огневые точки и пресекать попытки противника к нанесению контратак. Их вооружение, как правило, составляли станковые и ручные пулеметы, минометы, противотанковые орудия и ружья, огнеметы и термитные шары. Хороший результат давало применение противотанковых гранат для разрушения блиндажей и дзотов, а термитных шаров и ручных огнеметов – для выжигания противника.

Как правило, резерв использовался для пополнения и усиления штурмовых групп и ликвидации контратак противника, особенно на флангах.

Управление боем штурмовых групп осуществлялось через связных, офицеров связи, сигнальными ракетами, трассирующими пулями, телефоном и по радио. Но самыми надежными средствами оказались радио и сигнальные ракеты.

Действия штурмовых групп показали на необходимость обязательного включения в их состав саперов. Они использовались для инженерной разведки объекта штурма, определения

характера заграждений, проделывания проходов, в том числе и в минных полях, а также для сооружения сложных инженерных построек.

Если же при штурме сильно укрепленной полосы обороны и при блокировке огневых точек противника саперы действовали в боевых порядках штурмовых групп и непосредственно участвовали в уничтожении огневых точек, то во время боя внутри города и при штурме отдельных зданий саперы пока использовались недостаточно.

Таким образом, к лету 1943 года сложился комплекс основных мероприятий инженерного обеспечения наступления, который дополнялся и развивался в последующих операциях Великой Отечественной войны. Но уже к этому периоду возникла настоятельная необходимость иметь инженерно-саперные части, способные решать весь комплекс инженерного обеспечения наступления, в том числе в условиях непосредственного соприкосновения с противником.

В целом боевые действия, развернувшиеся в мае 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта, являют собой пример острой борьбы за улучшение оперативного положения войск и за инициативу в развертывании крупных наступательных операций в летней кампании.

С учетом всей серьезности обстановки, складывающейся на юге, Ставка ВГК своевременно перебросила на юго-западное направление резервы и потребовала от главнокомандующего направлением разгромить харьковскую группировку противника, упредив тем самым его действия в развертывании летнего наступления. Успешного проведения этой операции требовали интересы всей летней кампании 1942 г. Для этой цели в распоряжение главкома юго-западным направлением Ставкой были выделены значительные средства, что обеспечивало войскам юго-западного направления превосходство в силах над противником.

Принятое главкомом направления решение о нанесении Юго-Западным фронтом двух ударов, охватывающих харьковскую группировку немцев, отвечало задачам, стоявшим перед войсками. Выгодное оперативное положение наших войск по отношению к объекту наступления облегчало выполнение этих задач. Таким образом, основные объективные предпосылки благоприятствовали успешному проведению наступления. Но, несмотря на это, задачи, поставленные Ставкой, остались невыполненными. В итоге боев 17–28 мая на юго-западном направлении был утерян важный оперативный плацдарм в районе Барвенково. За нашими войсками остался лишь небольшой плацдарм на правом берегу реки Северский Донец, в районе Савинцы. Войска направления были вынуждены перейти к обороне в невыгодных условиях, в то время как противник в результате захвата барвенковского выступа обеспечил устойчивое положение своей донбасской группировке и улучшил исходное положение для наступления всей группы войск «Юг».

Анализ хода боевых действий войск юго-западного направления, приведших к такому положению, показывает, что в ряду основных причин общего неуспеха действий Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 г. находится плохое управление войсками и особенно организация взаимодействия этих фронтов. Это нашло свое отражение как в вопросах общего планирования взаимодействия войск направления при разработке Харьковской наступательной операции, так и в вопросах ведения наступления и при руководстве оборонительным сражением на барвенковском выступе. Вместе с тем исход боевых действий каждого из фронтов направления явился результатом и тех недостатков, которые были присущи самим фронтам.

Для Юго-Западного фронта это прежде всего планирование и подготовка наступления штабом фронта, осуществлявшиеся с большими погрешностями.

Располагая крупными силами, обеспечивающими фронту на широком участке более чем двойное превосходство над противником по пехоте и танкам и почти полуторное превосходство по артиллерии, командующий фронтом, за исключением танков в полосе 6-й армии, не смог создать решающего превосходства в силах над противником ни на северном, ни на южном активных участках.

Несоблюдение скрытности сосредоточения войск, чрезмерная растяжка сроков перегруппировки войск ударных группировок (до 30 суток) привели к тому, что противник раскрыл замысел командующего фронтом и сумел заблаговременно провести контрманевр частями своей 6-й армии и прибывающих резервов на угрожаемые участки. Этим немецкое командование достигло превышения оперативной плотности своих войск на угрожаемых участках, сумело создать в глубине обороны сильные оперативные резервы. Более того, к 11 мая противник, перегруппировав свои войска, добился значительного снижения превосходства сил северной и южной ударных группировок фронта. Вследствие этих причин, несмотря на относительно высокий процент сосредоточения сил и средств к активным участкам, достигающий по артиллерии 96 % и по пехоте 74 % от всех наличных сил, и использования на главных направлениях всех танков, войска фронта с самого начала наступления были поставлены в невыгодное положение. И как закономерный финал наступательной операции фронта – ее провал.

Управление войсками в оборонительных боях на барвенковском выступе также имело ряд существенных недостатков.

Глава 3. Создание бригад и совершенствование их организации: 1943–1945 гг.

К началу второго периода войны в действующей армии имелось 962 инженерных (саперных) и 75 понтонно-мостовых батальонов, 2 понтонно-мостовых полка, 110 отдельных рот и 15 отдельных отрядов различного назначения. Продолжалось формирование инженерных бригад различного назначения, к началу периода их было 37, в том числе 2 понтонно-мостовых. Увеличение числа инженерных частей и соединений, их сосредоточение в полосе действий ударных группировок позволили значительно улучшить усиление ими фронтов и армий.

Тем не менее в ходе наступления для выполнения всех инженерных мероприятий наличных сил и средств обычно не хватало. Уже под Сталинградом увеличился расход личного состава для обеспечения прорыва усилившейся обороны противника: ведения инженерной разведки, создания большого количества групп разграбления и групп сопровождения танков НПП и артиллерии, а также участия в штурме долговременных сооружений и сильно укрепленных позиций.

Наступательные операции Красной Армии, а также практика прорыва заблаговременно укрепленных позиций противника выявили потребность в специально подготовленных, качественно новых и мощных инженерных соединениях наступательного типа, способных обеспечить в инженерном отношении прорыв и штурм укреплений противника⁵³.

Учитывая это, а также общую тенденцию развития обороны немецко-фашистских войск, Ставка ВГК приняла решение о формировании штурмовых инженерно-саперных бригад.

Штурмовые инженерно-саперные бригады (шисбр) резерва Главного Командования (РГК) начали формироваться весной 1943 г. Бригады предполагалось использовать на наиболее важных оперативных направлениях, особенно там, где у противника имелись мощное фортификационное оборудование местности и минные заграждения, а также при штурме сильно укрепленных населенных пунктов.

В этой связи главной задачей бригады при прорыве обороны противника должно было стать разрушение и уничтожение тяжелых долговременных оборонительных сооружений и препятствий в полосе наступления общевойсковое соединения (или объединения), которому бригада будет придаваться на период проведения операции.

Формирование шисбр, как и все важное, началось с доклада Верховному Главнокомандующему, его решения и личных указаний. Исполняя указания И.В. Сталина, начальник инженерных войск Красной Армии М.П. Воробьев 18 мая 1943 г. представил начальнику Генерального штаба А.М. Василевскому свои предложения о формировании в Московском военном округе пятнадцати ударных инженерно-саперных бригад РГК⁵⁴. Именно ударных и пока еще не штурмовых!

Закон военного времени суров и неумолим – оперативность и четкость просто крайне необходимы и есть слагаемые успеха любого дела. И уже 19 мая начальник инженерных войск представляет заместителю начальника Генштаба А.И. Антонову проект директивы о создании бригад. Их формирование предлагается осуществить за счет сокращений и расформирования частей инженерных войск. Это было сделано не только из соображений экономии и бережливости. Отнюдь, численность инженерных войск и количество частей пока не соответствовали сложности и объемам решаемых инженерных задач. Просто жестко действовал приказ, устанавливающий лимит численности родов войск. Ниже мы убедимся в этом более наглядно.

---

⁵³ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 84. Л. 151.

⁵⁴ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 148. Д. 28. Л. 220–223.

Справка по штату ударной инженерно-саперной бригады предусматривала управление бригады, роту управления, легкопереправочный парк, отдельную моторизованную инженерно-разведывательную роту, пять отдельных инженерно-саперных батальонов. Общую численность бригады предлагалось установить в 2231 человек. Из стрелкового вооружения для всего строевого состава вместо винтовок предусматривались автоматы, по две ручные и противотанковые гранаты, на взвод два ручных пулемета и стальные нагрудники из расчета на один взвод в каждой роте.

И вот 21 мая издается директива о формировании пятнадцати штурмовых инженерно-саперных бригад⁵⁵. Изменение в название бригады внес начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский, что в большей степени соответствовало их предназначению.

На формирование шисбр обращались 64-я комсомольская, 53-я, 54-я, 55-я, 58-я, 61-я, 65-я, 66-я, 67-я (в проекте директивы ошибочно указана 57-я исбр), 68-я, 69-я, 70-я, 71-я и 72-я инженерно-саперные бригады РКК, а также 3-я инженерно-минная бригада РКК. Формирование и комплектование личным составом, транспортом и вооружением всех пятнадцати бригад указывалось завершить к 30 мая с докладом об исполнении 5 июня.

8 июня М.П. Воробьев докладывал начальнику Генерального штаба ход формирования пятнадцати бригад на день, определенный директивой. 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 9-я, 10-я, 11-я, 14-я шисбр были представлены как готовые и укомплектованы: личным составом – на 89 %, вооружением – на 72 %, автотранспортом – на 31 %, тракторами – на 8 %, мотоциклами – на 11 %, лошадьми – на 90 %, рациями – на 63 %, инженерным имуществом – на 100 %. О готовности 7-й, 8-й, 12-й, 13-й бригад не докладывалось, а уровень их укомплектованности по абсолютному большинству показателей был значительно ниже других⁵⁶. 1-я комсомольская и 15-я шисбр находились в пути следования в район дислокации.

Начальник инженерных войск просил срочно обеспечить все бригады автотранспортом, тракторами, мотоциклами, рациями и укомплектовать подразделения связи специалистами.

Тем не менее, несмотря на важность и крайнюю необходимость таких инженерных соединений, большинство бригад при убытии на фронт так и не получили полный комплект по всем показателям. Особенно по средствам связи и автотранспорту.

Процесс формирования шисбр продолжался, и 12 июля 1943 г. издается еще одна директива о создании 16-й, 17-й и 18-й шисбр пятибатальонного состава и численностью 2227 каждая⁵⁷. На их комплектование обращались 15-я, 16-я и 56-я инженерно-саперные бригады РКК. Переформирование и укомплектование всех трех бригад предписывалось завершить к 22 июля. Начальникам центральных управлений Наркомата обороны ставилась задача обеспечить формируемые бригады имуществом, транспортом и вооружением до табельной потребности.

Количество бригад предполагалось довести до двадцати, и начальник инженерных войск Красной Армии обратился с предложением о создании 1-й гвардейской и 19-й шисбр за счет расформирования 1-й гвардейской бригады минеров РКК и четырех армейских моторизованных инженерных батальонов. Это предложение неожиданно не получило адекватного понимания.

Появляется справка за подписью начальника организационно-учетного управления⁵⁸. В целом, не возражая против создания бригад, он подчеркивает, что оргмероприятия вызовут превышение лимита численности инженерных войск на 1842 человека – уж не такая большая цифра! Причем как основной аргумент приводится постановление Государственного Коми-

⁵⁵ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 148. Д. 28. Л. 226.

⁵⁶ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12112. Д. 203. Л. 1–10.

⁵⁷ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 148. Д. 29. Л. 172–173.

⁵⁸ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 148. Д. 29. Л. 207.

тета Обороны № 3621. Обосновывается, со ссылкой на приказ Ставки ВГК от 2 июля 1943 г., нецелесообразность формирования бригад за счет названных частей. Тем не менее, по личной договоренности между М.П. Воробьевым и А.И. Антоновым, 24 июля издается директива о формировании 1-й гвардейской и 19-й шисбр с обращением на их комплектование вышеперечисленных частей⁵⁹. Директива предписывала завершить формирование 1-й гвардейской шисбр к 5 августа, а 19-й – к 15 августа с докладом об исполнении 20 августа 1943 г.

Личная договоренность сделала свое дело, и в который раз субъективный фактор личностных отношений оказался выше принятых ранее решений. Хотя в данной ситуации это было оправданно.

Таким образом, организационно завершился этап формирования 20 штурмовых инженерно-саперных бригад РКК.

В мае 1944 г. 6-я, 7-я, 8-я и 18-я шисбр реорганизованы в инженерно-саперные бригады, и в дальнейшем до окончания войны количество шисбр не меняется⁶⁰.

Наступательные фронтовые операции Красной Армии выявили необходимость в инженерных соединениях, способных не только обеспечить штурмовые действия, но также совершать быстрый маневр для обеспечения наступающих частей Красной Армии и отражения контрударов моторизованных и танковых соединений противника⁶¹.

В этой связи начальник инженерных войск докладывает Сталину о необходимости сформировать семь моторизованных штурмовых инженерных бригад – по одной бригаде в 1-м, 2-м и 3-м Украинских, 1-м и 2-м Белорусских, 1-м Прибалтийском фронтах и в резерве Ставки⁶². Их формирование предлагалось осуществить за счет инженерных бригад специального назначения и моторизованных инженерных батальонов.

Но маршал инженерных войск М.П. Воробьев получает указание Верховного о формировании в резерве Ставки ВГК не семи, а пяти моторизованных штурмовых инженерно-саперных бригад (мшисбр) с обращением на их формирование двух инженерных бригад специального назначения и двадцати инженерных батальонов⁶³. Причем для мшисбр утверждается не предложенная ее организация, а по существу, штат шисбр (см. Приложения 3 и 4). Отличие заключалось лишь в численном составе батальонов – в шисбр они были больше, – а также в количестве автомашин по штату.

6 апреля 1944 г. издается директива о создании 2-й гв., 20-й и 21-й мшисбр пятибатальонного состава общей численностью 1810 человек каждая⁶⁴. Организационно формирование 20-й и 21-й мшисбр осуществлялось за счет 12 армейских инженерных батальонов и управлений 1-й и 5-й тыловых бригад разграждения с их ротами управления. На формирование 2-й гв. Новгородской мшисбр обращалась 2-я гвардейская инженерная Новгородская бригада специального назначения.

В мае в 4-м Украинском фронте создаются 22-я и 23-я мшисбр⁶⁵. На их формирование направлялись 43-я инженерная бригада специального назначения, три армейских инженерных батальона и два гвардейских батальона минеров (см. Приложение 5).

Бригады комплектовались тщательно отобранным личным составом. При этом учитывались степень подготовки, возраст, состояние и физическое развитие. Так, например, при комплектовании 19-й шисбр в запасные части, отделы кадров МВО и инженерных войск были

⁵⁹ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 148. Д. 29. Л. 208–211, 211 об.

⁶⁰ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 84. Л. 153.

⁶¹ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 84. Л. 52.

⁶² ЦАМО. Ф. 15. Оп. 149. Д. 41. Л. 51; Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. М., 1985. С. 267–268.

⁶³ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 149. Д. 41. Л. 166.

⁶⁴ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 149. Д. 41. Л. 173.

⁶⁵ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 149. Д. 41. Л. 167.

отправлены как непригодные к службе в шисбр 468 человек из 2903, направленных на комплектование бригады⁶⁶.

Одновременно с формированием бригад, их комплектованием личным составом, техникой и вооружением интенсивно шел процесс боевой подготовки шисбр. При этом учитывался опыт войны и прошлых лет.

Инженерные войска основательно, по-настоящему переставали быть «тыловым войском». Виной тому была большая и жестокая война. Печального опыта войны с Финляндией явно не хватало. Тезис, декларированный в 1940 г. маршалом С.К. Тимошенко, начал действительно осуществляться самой жизнью. «Война моторов» с большим успехом могла быть названа «войной инженерной мысли»...

Штаб инженерных войск Красной Армии разработал программы обучения и подготовки личного состава шисбр.

По всем темам боевой подготовки рядового состава предусматривалось 666 учебных часов⁶⁷. Почти третья часть, 207 часов, отводилась на заграждения и подрывные работы. Это было крайне важно и необходимо для будущих саперов-штурмовиков. Личный состав формируемых бригад только частично ранее сталкивался на фронте с минно-заградительными работами и инженерным обеспечением преодоления заграждений противника. Большинство имело отрывочные представления по этому вопросу.

За отведенное время личный состав должен был полностью овладеть механическим, огневым и электрическими способами взрывания. Предусматривалась отработка приемов подрыва дотов, дзотов, зданий, мостов, материальной части и вооружения. Особое внимание уделялось освоению приемов инженерной разведки и технике устройства проходов в заграждениях противника.

Обязательным было изучение и практическое освоение приемов установки полевых фугасов, вязки зарядов и их расчет. Составной частью программы являлось изучение и техника установки противопехотных и противотанковых мин как противника, так и отечественного производства, а также устройство и установка мин-сюрпризов, МЗД, дорожных мин.

---

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12120. Д. 238. Л. 6.

⁶⁷ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12120. Д. 238. Л. 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.